

The background of the cover is a detailed illustration of a mountainous landscape. In the foreground, two figures are seen from behind, walking along a path. The figure on the right is taller, with long brown hair, wearing a dark, heavy coat and carrying a sword. The figure on the left is shorter, wearing a brown hooded cloak. They are walking through a field of yellow wildflowers. In the background, a dense forest of evergreen trees leads to a valley with a river or stream. Beyond the valley, majestic, snow-capped mountains rise against a cloudy, overcast sky. The overall atmosphere is misty and atmospheric.

Светлана Дроздова

**Легенда о
Зеркальном
Королевстве.
Книга 2**

Светлана Дроздова

**Легенда о Зеркальном
Королевстве. Книга 2**

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 2 / С. В. Дроздова —
«Автор», 2026

Эйнар, изгнанный за свой дар видеть смерть в отражениях, десять лет прожил в лесном одиночестве. Ирис, беглая целительница из Ордена, обученная слушать голоса самой земли, идет на восток, чтобы найти центр Распада — таинственной силы, уничтожающей мир. Их встреча не случайна. Вместе они пересекают серые равнины, где исчезают тени и вода перестает отражать небо; проходят через поле осколков Первозеркала и лагерь каннибалов Детей Бурь, чтобы добраться до Стены, за которой бушует Зеркальная Буря. Эйнару предстоит понять, что его дар — не проклятие, а ключ к пустоте, а Ирис — узнать цену правде, которую она скрывает. Сможет ли то, что не имеет отражения, войти туда, где умирают зеркала? И что ждет их за черной дверью в центре всего: ответ или вопрос, на который нет ответа?

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Легенда о Зеркальном Королевстве. Книга 2

ГЛАВА 16. ПОГОНЯ

Часть первая: След на западе

I

Утро пришло не с солнцем, а с его отсутствием.

Эйнар открыл глаза за час до рассвета, как всегда, но сегодня внутренний голос, который будил его даже раньше привычного срока, не был голосом привычки. Это была тревога — глухая, тянущая, похожая на ту, что появляется перед долгой дорогой, когда не знаешь, вернёшься ли обратно. Он лежал на спине, глядя в каменный потолок расселины, где они укрылись на ночь, и слушал. Дыхание Ирис было ровным, но неглубоким — она не отдыхала, она просто отключалась между переходами, как зверь, который знает, что следующая охота начнётся через минуту. Снаружи, за камнями, ветер шелестел в жёсткой, серой траве — сухо, мелко, как пересыпающиеся зёрна.

Небо над головой было серым — не тем плотным, свинцовым, которое давит на плечи, как мокрая овчина, а тем, разорванным, сквозь которое кое-где проглядывали бледные, почти белые пятна. Свет пробивался сквозь них неохотно, скупое, словно солнце ещё сомневалось, стоит ли ему всходить над этой землёй, где даже трава рассыпалась в прах. Эйнар смотрел на эти пятна и чувствовал, как внутри, под рёбрами, дар шевелится во сне — не просыпается, но ворочается, как человек, которому снится тяжёлый сон, от которого нельзя проснуться.

Ирис спала в глубине расселины, свернувшись калачиком, подложив под голову свой изодранный плащ. Тёмно-синяя ткань с серебряной нитью, когда-то дорогая и красивая, теперь превратилась в лохмотья, которые держались только на честном слове и на нескольких уцелевших швах. Эйнар смотрел на неё и думал о том, что этот плащ — последнее, что осталось от её прошлой жизни. В Ордене, наверное, уже выдали новые плащи тем, кто пришёл после неё. Может быть, даже такие же — тёмно-синие, с серебряной нитью. Только без её запаха, без её крови, без её истории.

Он сел, прислонившись спиной к холодному, шершавому камню. Левая рука болела — тупая, ноющая боль, которая стала привычной, как зубная боль, с которой научился жить, не обращая внимания. перевязка держалась, но под ней кожа чесалась — рана заживала, и это было хорошим знаком. Мазь Ирис сделала своё дело: воспаление отступило, красные полосы побледнели, пальцы гнулись почти нормально. Он пошевелил ими — отозвалось лёгкой пульсацией, но не острой, как раньше, а скорее напоминающей о том, что рука ещё не полностью восстановилась.

Он посмотрел на свои руки — правую, здоровую, в старых шрамах и свежих царапинах, и левую, перевязанную, но уже почти послушную. Эти руки убили человека три дня назад. Или два? Он сбился со счёта. Время в этих местах текло иначе: оно не растягивалось и не

сжималось, как в лесу, где каждый час был отмерен шагами, дыханием, ударами сердца. Здесь время будто замерзало, превращалось в лёд — прозрачный, холодный, неподвижный. И в этом льду, как в замёрзшей реке, можно было разглядеть обрывки прошлого и намёки на будущее, но нельзя было понять, где настоящее.

— Ты не спишь, — сказала Ирис, не открывая глаз.

— Не могу.

— Дар?

— Не знаю. Тревога.

Она открыла глаза — сразу, не моргая, не шурясь, как человек, который привык просыпаться быстро и без лишних движений. Посмотрела на него, потом на выход из расселины, потом снова на него. В её тёмных, глубоко запавших глазах не было страха — только вопрос. «Мы идём или ждём?»

— Они идут, — сказал он, отвечая на невысказанное.

— Знаю. Я чувствую их за два перехода. Такой же запах, как у того, с ножом. Только теперь их больше.

Она села, разминая затёкшие плечи. Её лицо в утреннем свете было бледным — не серым, как в зоне праха, а просто бледным, как у человека, который не высыпается уже много ночей. Под глазами залегли глубокие тени, губы потрескались, и на левой щеке всё ещё виднелась тонкая, серебристая полоска — след от ножа, который почти затянулся. Она была красивой — той странной, болезненной красотой, которая бывает у людей, которые слишком много видели и слишком мало спали. Красотой умирающего пламени. Красотой последнего листа на осенней ветке.

— Сколько? — спросила она.

— Не знаю. Двое? Трое? Дар молчит. Но вороны кружили над тем местом, откуда мы пришли. Значит, кто-то идёт.

II

Он кивнул в сторону запада, туда, где за холмами, за руслом мёртвой реки, за прахом и пустотой, оставался лес, в котором он прожил десять лет. Вороны действительно кружили там — чёрные точки на сером фоне, — но не приближались. Ждали. Или боялись. Вороны были умны — умнее собак, умнее даже некоторых людей. Они запоминали лица, различали голоса, могли считать до трёх и решать простые задачи. Эйнар знал это и не боялся их. Вороны были частью леса, такой же, как берёзы или снег. Но сегодня, глядя на эти чёрные точки, он почувствовал, как внутри, под рёбрами, дар шевельнулся снова — не видение, предчувствие. Тяжёлое, липкое, как смола.

— Они не псы, — сказала Ирис, проследив за его взглядом. — Они не бросятся на нас с вилами и кольями. Эти — другие. Профессионалы.

— Ты знаешь их?

— Не их. Таких, как они. В Ордене есть люди, которые охотятся на беглецов. Их называют «следопытами». Они не убивают сами — они находят. А убивают другие. Я думала, что оторвалась от них, когда вошла в зону праха. Думала, они не пойдут туда, где даже камни рассыпаются. Я ошиблась.

Она произнесла это спокойно, как о погоде. Без злобы, без страха. Просто констатировала факт. Эйнар знал, что она права. Но внутри, под рёбрами, что-то сопротивлялось — не дар, та часть его, которая десять лет назад вытащила тонущего мальчика из проруби, та часть, которая предупреждала деревню о псах, та часть, которая спасла Ирис. Часть, которая не хотела убивать. Даже тех, кто охотился на них.

— Посмотрю следы, — сказал он, поднимаясь.

Он отошёл от расселины на сотню шагов, туда, где кончалась серая, примятая трава и начиналась россыпь мелких, острых камней. Здесь земля была твёрдой, и следы держались дольше. Вчера, когда они пришли к ручью, Эйнар специально прошёлся по мягкому грунту, чтобы запутать погоню, а потом свернул на камни, где не остаётся отпечатков. Но преследователи, видимо, были опытными — следы, которые он нашёл сегодня, были не на тропе, а в стороне, у подножия небольшого холма, откуда открывался вид на расселину.

Он присел на корточки, склонился над отпечатками.

Сапоги были не крестьянские — с узким носком, с железными набойками, которые оставляли глубокие, чёткие вмятины даже на камне. Такие же, как у того, кто стоял ночью за камнями, когда они с Ирис жгли костёр. Два человека. Или три. Широкий шаг — уверенный, небрежный, как у тех, кто не боится, что их догонят. Они шли не по следу — они шли наперерез, зная, куда направляются беглецы. Значит, у них был проводник. Или кто-то, кто видел их путь с высоты.

— Серая Стрела, — сказала Ирис, подходя сзади. Она ступала почти бесшумно, даже с большой ногой — Эйнар не слышал её шагов. — Я узнаю этот след. Он ходит широко, переваливаясь с ноги на ногу, как человек, который привык сидеть в седле, а не ходить пешком. Он не охотник — он наблюдатель. Его дело — найти, а не убивать.

— А убивают другие? — спросил Эйнар, хотя уже знал ответ.

— Да. Убивают те, кто идёт за ним. Он метит, а они добивают. Такая у них работа.

Ирис опустила руку рядом, провела пальцем по краю следа. Снега здесь не было — только серая, жёсткая трава и мелкие камни, — но влага ещё держалась в низинах, и отпечатки были чёткими, свежими. Оставлены не больше часа назад.

— Они близко, — сказал он.

— Знаю.

— Мы можем уйти в лес. Обойти холмы с севера, там, где болота. Они не пройдут через трясины.

— Могут. У них есть проводник, который знает эти места лучше нас. Мы увязнем, а они обойдут нас по сухой гряде. И будут ждать на выходе, когда мы вылезем мокрые, голодные и без сил. Не надо.

— Тогда — на восток, через пустошь, где даже камни рассыпаются?

— Туда они не пойдут. Серая Стрела не рискует своей шкурой. Он погонит нас до границы, а там передаст другим. Мы должны уйти на восток быстрее, чем он рассчитывает. Чтобы к моменту, когда он позовет подмогу, мы уже были в Ничейных землях, где не действуют его карты.

Эйнар посмотрел на восток. Горизонт там был ровным, как струна, — ни холмов, ни деревьев, ни даже камней, только серая, выжженная земля, над которой висела такая же серая, пустая пелена неба. Ничейные земли. Место, где не было людей, не было домов, не было даже дорог. Только ветер, только пыль, только смерть. И — может быть — ответы.

— Идём, — сказал он.

III

Они пошли на восток — не по прямой, а зигзагами, петляя между редкими кустами жёсткой, колючей травы, чтобы запутать след. Эйнар шёл первым, выбирая самые твёрдые участки, где не оставалось отпечатков: каменистые россыпи, сухие русла ручьёв, выступы скальной породы, выступающие из земли, как кости вымершего зверя. Ирис шла за ним, ступая след в след, как учили в Ордене, где умение скрыть погоню было важнее умения убивать.

Она дышала тяжело, но ровно. Левая нога болела — он видел это по тому, как она переносила вес на правую, как иногда замирала на секунду, переживая особо острую вспышку боли, как её пальцы сжимали посох так, что костяшки белели. Но она не жаловалась. Не просила остановиться. Просто шла.

Эйнар думал о том, что этот день — третий или четвёртый с тех пор, как они встретились — был самым длинным в его жизни. Убийство человека. Встреча с Ирис. Видение в пещере со слюдяной стеной. Погоня. Тени, которые не подчиняются свету. Всё это смешалось в одно — тяжёлое, липкое, как смола, — и давило на плечи, на затылок, на сердце.

Он вспомнил, как отец учил его ходить по лесу бесшумно. «Лес слышит всё», — говорил отец. «Каждый твой шаг, каждый вздох, каждый скрип кожи на сапогах. Лес не прощает глупцов. Лес кормит только тех, кто становится его частью». Эйнар стал частью леса много лет назад. Он двигался между деревьями так же бесшумно, как ветер, и так же незаметно, как тень. Он знал каждую тропу, каждую ложбину, каждое место, где можно спрятаться или устроить засаду. Но здесь, на границе Ничейных земель, лес кончился. Осталась только пустошь — открытое, голое пространство, где негде было спрятаться, негде затаиться, негде стать частью чего-то большего.

Он чувствовал себя голым. Уязвимым. Как улитка без раковины.

— Остановись, — сказал он, когда они вышли к небольшому оврагу, где когда-то, наверное, текла вода — теперь там была только сухая, потрескавшаяся глина, покрытая редкой, чахлой растительностью. — Передохни.

— Не нужно, — ответила она, но сама остановилась, опираясь на посох, и несколько секунд просто стояла, закрыв глаза, и дышала — глубоко, размеренно, как учили в Ордене, где умение управлять дыханием было важнее умения владеть мечом.

Эйнар осмотрелся. Тишина была почти полной — только ветер, который дул с востока, принося запах сухой земли и чего-то ещё, неуловимого, похожего на старый, давно потухший костёр. Вороны не каркали. Их не было видно — ни на небе, ни на земле, ни на камнях. Но где-то там, на западе, за холмами, он чувствовал их присутствие. Тяжёлое, внимательное, почти человеческое.

— Они отстали? — спросила Ирис, присаживаясь на корточки и растирая левую ногу ниже колена.

— Не знаю, — ответил Эйнар. — Дар молчит. Но я чувствую их затылком. Как будто они смотрят на меня со спины, а я не могу обернуться.

— Это не дар, — сказала она. — Это страх. Ты боишься, что они догонят, и страх заставляет тебя чувствовать их там, где их нет.

— Может быть, — согласился он. — Но это не отменяет того, что они есть.

Она не ответила. Только поднялась, опираясь на посох, и кивнула — вперёд.

Они пошли дальше. Овраг вывел их к небольшой возвышенности, откуда открывался вид на запад — туда, откуда они пришли. И Эйнар увидел их. Маленькие, почти незаметные на сером фоне земли фигурки. Трое. Они шли цепочкой, растянувшись на сотню шагов друг от друга, как идут опытные охотники, когда не хотят пропустить след. Первый — высокий, в тёмном плаще, с посохом или копьём в руке. Второй — ниже, коренастее, с арбалетом на плече. Третий — в сером, почти неотличимом от земли и неба, — передвигался рывками, резко, как будто не шёл, а перелетал с места на место.

— Трое, — сказал он.

— Вижу, — ответила Ирис. — Серая Стрела — в сером. Арбалетчик — его прикрытие. А тот, высокий, — наёмник из Ордена. Я видела его один раз, в тренировочном лагере. Он тренирует убийц. Учит не промахиваться.

— Он опасен? — спросил Эйнар, хотя уже знал ответ.

— Он смертелен. Но медлителен. И привык, что жертва бежит от него, а не на него.

Она произнесла это спокойно, почти безразлично. Но Эйнар видел, как её пальцы сжали посох сильнее, чем нужно. Она тоже боялась. Просто не показывала.

— Не здесь, — сказала Ирис, угадав его мысли. — Не сейчас. Они ждут, когда мы устанем, когда сделаем ошибку. Не давай им этого.

Они спустились с возвышенности и пошли дальше на восток, но теперь быстрее — почти бегом, насколько позволяли раны и усталость.

Часть вторая: Первая стрела

IV

Они шли до тех пор, пока дыхание не начало срываться.

Ирис задыхалась первой — её лёгкие работали с трудом, со свистом, как старые кузнечные меха, которые пробиты в нескольких местах и никак не могут набрать нужную силу. Эйнар слышал этот свист и знал: она не железная. Она тоже может сломаться. Просто её тело чинится быстрее. Но боль — боль остаётся.

— Остановись, — сказал он. — Надо перевести дух.

Она остановилась, опираясь на посох, и несколько секунд просто стояла, закрыв глаза, и дышала — глубоко, размеренно, как учили в Ордене, где умение управлять дыханием было важнее умения владеть мечом. Потом открыла глаза и посмотрела на запад.

— Не отстали, — сказала она. — Даже приблизились.

— Знаю.

Он осмотрел место, где они остановились. Небольшая каменистая гряда, поросшая редкой, жёсткой травой. Слева — россыпь валунов, достаточно больших, чтобы за ними можно было спрятаться. Справа — пологий склон, спускающийся к низине, где земля была влажной, глинистой, и следы на ней держались бы долго.

— Туда, — сказал он, кивнув на валуны.

— Засада? — спросила Ирис.

— Укрытие. Если они увидят нас на открытом месте — возьмут на прицел. Серая Стрела не промахивается.

Они спустились к валунам, нашли место между двумя большими, почти сросшимися камнями, где можно было сидеть, не высываясь. Эйнар положил лук на колени, проверил тетиву — тугая, без слабины. Стрелы пересчитал на ощупь — четырнадцать. Лук был старым, отцовским, из цельного куска тиса, вымоченного в оленьей крови и просушенного в дыму. Тис на Серых Холмах не рос — отец принёс ветку из дальнего похода, когда Эйнару было всего шесть лет. Он помнил это смутно: запах дождя, мокрую кору, руки отца — большие, тёмные, с чёрной каймой под ногтями.

Отец был плотным, коренастым мужчиной с густой бородой и тяжёлым взглядом. Он мало разговаривал с сыном — не потому, что не любил, а потому, что не умел. Его язык был

языком рук: похлопал по плечу — значит, молодец; отвесил подзатыльник — значит, не делай так больше. Эйнар вырос под этим молчаливым присмотром, и только теперь, спустя много лет, он начал понимать, сколько любви было в тех редких похлопываниях по плечу.

Отец умер, когда Эйнару было десять. Он не хотел вспоминать, как это случилось. Но иногда воспоминания приходили сами — как сегодня, когда он сжимал в руке отцовский лук. Они приходили не картинками, а ощущениями: запах сырой земли, тяжесть в груди, страх — глупый, детский страх, который не имел ничего общего с реальностью, но душил так же сильно.

— Ты помнишь ту поляну? — спросила Ирис, прерывая его мысли. — Где ты убил того, с ножом?

— Помню.

— Это было твоё первое убийство. Не зверя — человека.

— Да.

— Ты дрожал тогда. Руки дрожали. А сейчас — нет.

Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Только пальцы правой, сжимающие лук, были напряжены, но это было напряжение не страха — готовности.

— Я изменился, — сказал он. — Или привык.

— Или понял, что иногда убить — значит спасти. Не себя — другого.

Она не договорила. Сверху, с гряды, послышался звук — хруст камней под осторожными шагами.

V

Эйнар замер, не дыша. Ирис тоже. Они смотрели друг на друга, и в её глазах он увидел то же, что чувствовал сам: холодную, спокойную готовность. Не панику, не страх — расчёт.

Хруст приближался. Кто-то шёл по гряде, не скрываясь, не таясь — уверенно, как хозяин, который идёт проверить свои владения. Шаги были тяжёлыми, размашистыми — мужскими. Один человек. Но за ним, наверное, были другие — в низине, на склоне, в обход.

Эйнар закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох — холодный, сухой воздух обжёг ноздри. Выдох — пар растворился в сером небе. Дар внутри шевельнулся — не проснулся, но потянулся, как зверь, который чует запах крови, но не решается вылезти из норы. В затылке заныло, в висках запульсировало. И запах — тот самый, сладковато-металлический, — защекотал ноздри.

И он понял, что должен смотреть. Не на человека — на его оружие. На отражение.

Он медленно, очень медленно, высунул голову из-за валуна.

Человек стоял на краю гряды, в двадцати шагах от них, и смотрел вниз, в низину, туда, где следы уходили на восток. Он был высоким, широкоплечим, в тёмном, почти чёрном плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо. На поясе — длинный нож, в руках — арбалет. Тяжёлый, арбалетного типа, с рычажным механизмом, который требовал силы и сноровки. Лезвие болта блестело — даже в этом сером, унылом свете, даже сквозь пелену усталости и страха. Блестело тускло, маслянисто, как старый металл, который много раз правили и точили. И в этом блеске, в этом маленьком, узком кусочке отражённого света, дар показал ему будущее.

Эйнар увидел, как человек поворачивается — не к ним, в сторону, к валунам, за которыми они прятались. Как вскидывает арбалет. Как нажимает на спуск. Болт летит не в него — в Ирис. Она не успеет уклониться — нога болит, тело устало, реакция притуплена. Болт войдёт ей в плечо, пробьёт лёгкое, застрянет в рёбрах. Она упадёт, захлебнётся кровью, и даже её быстрое исцеление не поможет — рана будет смертельной.

Видение исчезло. Эйнар открыл глаза.

— За камни, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Прямо сейчас.

Ирис не спросила «почему». Она просто шагнула за большой валун слева и прижалась спиной к холодному, шершавому камню. В тот же миг человек на гряде повернулся.

Эйнар не стал ждать. Он вскинул лук, натянул тетиву — стрела легла на ложбинку, тетива загудела, как струна, — и выстрелил. Не целясь — просто в ту сторону, где по расчёту должно было быть горло.

Стрела сорвалась с тетивы с сухим щелчком. Эйнар даже не увидел, куда она полетела — только почувствовал, как тетива ударила по запястью, оставив красную, горячую полосу. В темноте, в спешке, с дрожащими руками — это был плохой выстрел. Он знал это ещё до того, как понял, что промахнулся.

Человек успел дёрнуться — стрела вошла ему не в горло, а в плечо, пробила плащ, кожу, мышцы, застряла в кости. Он закричал — негромко, хрипло, выронил арбалет, схватился за рану. Второй рукой он потянулся к ножу на поясе — но не успел. Из-за валуна выскочила Ирис, опираясь на посох, и ударила. Не остриём — комлем, тяжело, в висок. Человек рухнул, как подкошенный, лицом в камни.

Тишина.

VI

— Живой? — спросила Ирис, опуская посох.

Эйнар подошёл к телу, перевернул носком сапога. Человек был жив — дышал, хрипел, из раны на плече сочилась кровь. На лице — шрам от ожога, закрывающий половину щеки, короткая, седая щетина. Глаза закрыты.

— Живой, — сказал он. — Но ненадолго, если не перевязать.

— Не будем перевязывать, — ответила Ирис. — Их двое. Скоро будут здесь.

Она подняла арбалет, проверила, взведён ли механизм. Взведён. Один болт остался в стволе, второй — в колчане на поясе убитого. Она вытащила колчан, повесила себе на плечо.

— Теперь у нас есть арбалет, — сказала она. — И два болта. Хорошо.

— Мы не должны их убивать, — сказал Эйнар. — Мы должны уйти.

— Они не дадут нам уйти. Они будут преследовать, пока не поймают. Или пока не умрут.

Она говорила спокойно, как о погоде. Без злобы, без страха. Просто констатировала факт. Эйнар знал, что она права. Но внутри, под рёбрами, что-то сопротивлялось — не дар, та часть его, которая десять лет назад вытащила тонущего мальчика из проруби, та часть, которая предупредила деревню о псах, та часть, которая спасла Ирис. Часть, которая не хотела убивать.

— Идём, — сказал он. — Пока они не пришли.

Они побежали.

Часть третья: Кровь на камне

VII

Они бежали, не разбирая дороги, пока лёгкие не начали гореть огнём, а в глазах не потемнело. Эйнар бежал, сжимая в руке лук, и чувствовал, как каждый шаг отзывается в левой руке тупой, ноющей болью. Ирис бежала рядом, опираясь на посох, и её хромота стала почти незаметной — адреналин заглушал боль, заставлял тело работать на пределе.

За спиной, через два холма, они слышали крики. Не разобрать слов — только звуки, злые, отрывистые, как лай собак, но собак не было. Кричали люди. Один — тот, кого они ранили. Второй — тот, что шёл следом. Третий, в сером — Серая Стрела, — молчал. Он не кричал. Он наблюдал.

Эйнар бежал и думал о том, что этот человек, Серая Стрела, не похож на тех, кого он встречал раньше. В Терновой Гриве люди боялись его дара, но их страх был громким, шумным, с криками и камнями. Они выплёскивали его наружу, как кипяток из переполненного котла. А этот — молчал. Его страх был холодным, расчётливым, спрятанным глубоко внутри, где он не мешает, а помогает. Это был страх профессионала — тот, который не парализует, а заставляет работать быстрее, точнее, жёстче.

— Не останавливайся, — выдохнула Ирис. — Они за нами.

— Я знаю.

Он свернул влево, к россыпи валунов, где можно было скрыться на время, перевести дух. Валуны были большими, выше человеческого роста, с узкими проходами между ними, где могли пройти только по одному. Эйнар нырнул в один из таких проходов, Ирис за ним. Через минуту они вышли к небольшой, ровной площадке, окружённой камнями со всех сторон, — естественной ловушке, но и естественному укрытию.

— Здесь, — сказал он, опускаясь на колени. — Передохнём минуту.

— Нельзя, — ответила Ирис, но сама села на камень, прижимая руку к левой ноге. Кровь проступила сквозь повязку — рана открылась, пока она бежала. — У них арбалет. Два. Или один, но с запасом болтов. Если они увидят нас на открытом месте — мы трупы.

— Если они увидят нас здесь — мы трупы, — ответил он. — Но здесь можно обороняться. В проходе поместится только один. Узкое место. Мы можем убить первого, второго, третьего.

— А если они пойдут в обход? Найдут другую щель?

— Не найдут. Я смотрел — других проходов нет. Только тот, через который мы пришли. И камни высокие, не перелезть.

Ирис посмотрела на него долго, изучающе. Потом кивнула, достала из кармана маленькую глиняную плошку с мазью, сняла старую повязку с ноги, начала втирать мазь в рану. Пальцы её дрожали — от усталости, от напряжения, от того, что она делала это в сотый раз за последние дни, и каждый раз боль была новой, острой, невыносимой.

— Дай, — сказал Эйнар, протягивая руку.

— Не надо, — ответила она. — Я сама.

— Ирис.

— Я сказала — сама.

Она замотала ногу новой тряпицей — оторвала от подола рубахи, той, что была под курткой. Рубаха была чистой, почти белой, и на её фоне кровь казалась особенно яркой, почти чёрной. Она затянула узел, проверила, не слишком ли туго. Потом подняла голову.

— Они здесь.

VIII

Эйнар не услышал шагов — только шорох. Камни осыпались где-то совсем близко, за поворотом прохода. Шорох был осторожным, почти беззвучным — человек, который шёл, умел ступать бесшумно. Но камни под его ногами всё равно предавали его — мелкая крошка осыпалась с краёв, падала вниз, скатывалась к их ногам.

— Один, — прошептал он. — Идёт по проходу.

— Арбалет? — спросила Ирис.

— Не знаю. Не вижу.

— Я пойду первая, — сказала она, поднимаясь. — Ты прикрываешь.

— Нет. Я первая. Ты прикрываешь.

Она хотела возразить, но в этот момент из-за поворота вышел человек.

Не тот, высокий, которого они ранили. Другой. Коренастый, широкоплечий, в кожаном доспехе, с ножом в руке — длинным, кривым, с чёрной рукоятью, таким же, как у того, которого Эйнар убил на поляне. Лицо его было грубым, обветренным, с глубокими шрамами на правой щеке — старыми, белыми, похожими на следы от когтей. Глаза — светлые, почти бесцветные, с точечными зрачками. Он улыбался. Улыбка была кривой, беззубой — несколько зубов отсутствовало, на их месте чернели дыры.

— Вот вы где, — сказал он спокойно, как будто они встретились в таверне, а не в каменной ловушке на краю мира. — А мы вас ищем. Ищем-ищем, а вы — здесь.

Эйнар вскинул лук, натянул тетиву. Стрела смотрела человеку прямо в грудь.

— Один шаг — и ты мёртв, — сказал он.

— Стреляй, — ответил человек. — Но я не один. Сзади — ещё двое. И у них арбалеты. Ты убьёшь меня — они убьют вас. Игры кончились. Бросай лук.

Эйнар не бросил.

Ирис смотрела на человека, и в её глазах горело то холодное, спокойное пламя, которое он уже видел — там, на поляне, когда она готовилась к последнему удару, когда держала в руке обломок ветки, когда её лицо было залито кровью, а в глазах горела ярость. В руке она сжимала посох — не как опору, как оружие.

— Ты из Ордена, — сказала она. — Я знаю твоё лицо. Ты тренируешь убийц.

— Тренировал, — ответил человек. — Теперь сам убиваю. Пенсия, знаешь ли.

— Кто тебя послал?

— Неважно. Ты и так знаешь.

Он шагнул вперёд — не торопясь, не угрожающе, с ленцой, как человек, который знает, что время работает на него. В его глазах не было страха — только уверенность. Он видел, что они устали, что ранены, что у них нет шансов. Он ошибался.

Эйнар выстрелил.

Человек успел уклониться — не отшатнуться, а просто сместиться в сторону, на дюйм, на волосок. Стрела прошла мимо, чиркнула по плечу, разорвала кожу, но не вошла в тело. Человек даже не поморщился.

— Плохой выстрел, — сказал он.

— Не в тебя, — ответил Эйнар.

Из-за поворота раздался крик. Тот, второй, которого он не видел, — арбалетчик, который шёл за коренастым, — упал на колени, схватившись за горло. Стрела Эйнара прошла навывлет — не через плечо первого, а в щель, в просвет между камнями, туда, где стоял второй. Дар показал траекторию — не на секунду раньше, как обычно, а в самый момент выстрела, когда пальцы уже разжались, но стрела ещё не слетела с тетивы. Он увидел, где будет арбалетчик через полсекунды, и выстрелил туда.

— Сука, — выдохнул коренастый, оборачиваясь. — Сука, ты убил его.

Он бросился на Эйнара с ножом.

Ирис встретила его посохом. Удар пришёлся в запястье — кость хрустнула, нож выпал, отлетел в сторону. Коренастый заорал, схватился за руку, но не отступил — ударил левой, кулаком, в лицо. Эйнар не успел уклониться — кулак пришёлся в скулу, перед глазами вспыхнули искры, он упал на колени. Ирис ударила снова — на этот раз наотмашь, по голове. Коренастый покачнулся, но не упал. Он был сильным, живучим, привыкшим к боли.

— Сдохните, — прохрипел он, выпрямляясь. — Сдохните оба.

Он шагнул к Ирис, но в этот момент Эйнар вскочил на ноги и ударил его ножом — обсидиановым, чёрным, почти не блестящим. Нож вошёл в бок, под рёбра, туда, где дар показал ему щель между пластинами кожаного доспеха. Коренастый замер, посмотрел вниз, на рукоять, торчащую из его тела. Из раны хлынула кровь — тёмная, густая, почти чёрная.

— Как ты... — начал он, но не закончил.

Он рухнул лицом в камень, дёрнулся раз, другой, третий — и затих.

Тишина.

IX

Эйнар стоял над телом, тяжело дыша, и сжимал в руке нож. Руки дрожали — не от холода, от напряжения, которое наконец отпускало, оставляя после себя пустоту и слабость. Левая рука болела — он зажал её под мышкой, чтобы не тряслась. Кровь на лезвии была чужой. Тёплой. Липкой.

Он смотрел на свои руки и не узнавал их. Это были руки охотника, который убивал зверей. Они не должны были убивать людей. Не должны были. Но он убил. Дважды. Первый раз — на поляне, когда защищал Ирис. Второй раз — здесь, в каменной ловушке, когда защищал себя. И оба раза у него не было выбора. Или он сам убедил себя, что выбора не было?

— Третий, — сказала Ирис. — Серая Стрела. Где он?

Эйнар посмотрел в проход — туда, откуда пришли преследователи. Тишина. Ни шагов, ни шороха, ни камней, осыпающихся под ногами. Только ветер, который гулял между валунов, завывал в узких щелях, как голодный волк.

— Не знаю, — ответил он. — Может, ушёл.

— Он не уходит. Он наблюдает. Он всегда наблюдает.

Она подошла к телу коренастого, нагнулась, вытащила из-за пояса колчан с болтами. Четыре штуки. Хорошо. Потом подняла арбалет — тот, который выронил арбалетчик, когда упал. Арбалет был цел, взведён, с болтом в стволе.

— Теперь у нас есть два арбалета и шесть болтов, — сказала она. — Можем обороняться.

— Мы не будем обороняться, — ответил Эйнар. — Мы уйдём. Сейчас. Пока он не привёл подмогу.

Она посмотрела на него, потом на тела, потом на проход, ведущий наружу.

— Хорошо, — сказала она. — Идём.

Они пошли.

Часть четвёртая: Глаза преследователя

X

Они вышли из каменной ловушки через узкий, едва заметный лаз, который Эйнар заметил, когда они прятались. Лаз вёл вверх, на гребень гряды, откуда открывался вид на всю равнину — на запад, на восток, на север и юг. Эйнар выполз первым, огляделся. Никого.

— Чисто, — сказал он, подавая руку Ирис.

Она выбралась следом, опираясь на посох. Нога болела — она закусил губу, чтобы не застонать, и сделала несколько глубоких вдохов, пережидая боль.

— Там, — сказал он, показывая на восток, где вдаль виднелись тёмные, почти чёрные пятна — то ли кусты, то ли камни, то ли что-то ещё. — Если дойдём до них до заката — сможем укрыться. Если нет — нас увидят с равнины, и он, Серая Стрела, поймёт, куда мы идём.

— Он уже понял, — ответила Ирис. — Он всегда понимает. Это его работа — понимать, куда пойдёт жертва.

— Тогда зачем мы идём?

— Потому что другого пути нет.

Она шагнула вперёд, и он пошёл за ней.

XI

Они спустились с гряды и пошли по равнине — ровной, серой, без единого деревца, без единого куста, без единого камня, за которым можно было бы спрятаться. Только трава — жёсткая, колючая, по колени, — которая шелестела под ногами, как старая, высохшая бумага. И ветер. Ветер дул с востока, принося запах сухой земли и чего-то ещё, неуловимого, похожего на старый, давно потухший костёр.

Эйнар шёл первым, сжимая в руке лук. Ирис шла за ним, держа арбалет наготове. Они не разговаривали — силы берегли на бег, если понадобится.

Он думал о том, что этот день — самый длинный в его жизни. Убийство человека. Встреча с Ирис. Видение в пещере со слюдяной стеной. Погоня. Тени, которые не подчиняются свету. Всё это смешалось в одно — тяжёлое, липкое, как смола, — и давило на плечи, на затылок, на сердце.

Он думал о том, что теперь он не один. Рядом шла девушка, которая тоже изгой, тоже проклятая, тоже не умеет просить помощи и не показывает слабость. Девушка, которая смотрит на него не как на Морока, а как на человека. Девушка, которая — как и он — видела смерть и не отворачивалась.

И этого, наверное, было достаточно.

Через час они увидели его.

Он стоял на вершине невысокого холма, впереди, на их пути, — высокий, тонкий, в сером, почти неотличимом от земли и неба плаще. Капюшон надвинут на лицо, рук не видно — они спрятаны в складках плаща. Он не двигался. Просто стоял и смотрел на них. Или не смотрел — лица не разобрать. Но Эйнар чувствовал этот взгляд — холодный, изучающий, как взгляд охотника, который уже выбрал добычу и теперь ждёт, когда она устанет, чтобы начать загон.

— Серая Стрела, — сказала Ирис. — Он ждёт.

— Чего?

— Нас.

Они остановились. Эйнар поднял лук, натянул тетиву — стрела легла на ложбинку, тетива загудела. Но он не выстрелил. Дар молчал. Он не показывал ни смерти этого человека, ни его движений, ни его будущего. Только пустоту.

— Не стреляй, — сказала Ирис. — Он слишком далеко. Ты промахнёшься.

— Я не промахнусь.

— Он не даст тебе попасть. Он двигается быстрее, чем стрела. Я видела. Он уклоняется от выстрелов на расстоянии, когда болт ещё в полёте. Не трать стрелы.

Эйнар опустил лук. Человек на холме не шелохнулся. Только плащ чуть колыхался на ветру — серый, как пепел, как прах, как небо над головой.

— Зачем он показался? — спросил он. — Чтобы мы знали, что он здесь? Чтобы мы боялись?

— Чтобы мы знали, что он не враг, — ответила Ирис. — Пока. Он не убивает сам. Он только ведёт. А убивать будут другие. Те, кто идёт за ним. Тот, высокий, которого мы убили, и тот, с арбалетом, которого ты ранил, — они были первыми. Но не последними.

— Сколько их?

— Не знаю. Может, двое. Может, десять. Он не показывает всех сразу. Показывает только одного — себя. Чтобы мы видели, что погоня не кончилась. Чтобы мы бежали дальше, на восток, туда, где он хочет нас загнать.

— А если мы не побежим?

— Тогда он придёт сам. Не сегодня — завтра. Или через неделю. Он терпеливый. Он ждал меня от самой границы Ничейных земель. Ждал три дня, пока я шла к капкану. Не ел, не спал, не останавливался. Он — машина. Орден сделал его таким. Как меня. Только моя функция — выживать. А его — находить.

Человек на холме развернулся и пошёл прочь — не торопясь, не оглядываясь. Шаги его были тихими, почти беззвучными, как будто он не шёл по земле, а плыл над ней. Через минуту он скрылся за гребнем холма, и равнина снова стала пустой — только трава, только ветер, только серое небо.

— Идём, — сказал Эйнар. — Пока светло.

Они пошли дальше на восток.

Часть пятая: Скреплённые кровью

XII

К закату они добрались до тёмных пятен, которые видели издали. Это были не кусты — обломки старой, давно заброшенной постройки. Каменные стены, поросшие мхом (живым мхом — редкая удача в этих местах), провалившаяся крыша, из которой торчали обгоревшие балки. Внутри — небольшое, защищённое от ветра пространство, где можно было переночевать.

Эйнар осмотрел руины, проверил, нет ли трещин, из которых мог бы идти тот странный, пустой воздух. Всё было тихо. Мёртво, но тихо.

— Здесь переночуем, — сказал он. — Дальше не пойдём сегодня.

Ирис кивнула, опустилась на камень, прислонилась спиной к стене. Нога болела — она сняла повязку, осмотрела рану. Кровь перестала сочиться, края затянулись, кожа вокруг порозовела. Исцеление шло быстрее, чем у обычного человека — но всё равно медленнее, чем ей хотелось бы.

— Я поищу дрова, — сказал Эйнар.

— Не надо, — ответила она. — Костёр нас выдаст. Он, Серая Стрела, увидит дым и поймёт, где мы.

— Он и так знает, где мы. Он всегда знает.

— Тогда не будем облегчать ему работу.

Она достала из кармана маленький кусочек вяленого мяса — последний, который у них остался, — разломила пополам, протянула Эйнару.

— Ешь, — сказала она. — Завтра будет новый день. Может быть, последний. Нужно иметь силы.

Он взял мясо, положил в рот, разжевал. Вкуса не было — только соль и жёсткость. Но он жевал, чувствуя, как силы возвращаются — медленно, по капле, как вода в пересохший ручей.

— Ты не боишься? — спросил он, глядя на неё.

— Чего?

— Умереть.

Она подумала. Долго. Потом ответила:

— Я боюсь, что не могу умереть. Что останусь одна, когда всё закончится. Когда мир рассыплется в прах, когда люди исчезнут, когда даже вороны перестанут каркать — я останусь. Одна. Навсегда. Это страшнее любой смерти.

Она помолчала, потом добавила тише:

— Но с тобой... я боюсь меньше. Потому что ты тоже не совсем человек. Твой дар, твои видения — они делают тебя другим. Как и меня. Может, поэтому мы встретились. Может, поэтому мы идём вместе.

— Может, это не случайность, — сказал он.

— Я не верю в случайности. Я верю в причины и следствия. Но иногда... иногда мне кажется, что в мире есть что-то большее, чем просто причины. Что-то, что нельзя объяснить.

Она замолчала. Эйнар сидел, глядя на тёмные, провалившиеся окна руин, и думал о том же.

XIII

Ночью, когда Ирис уснула, он сидел у входа, положив лук на колени, и смотрел на запад, откуда они пришли. В небе не было звёзд — только серая, плотная пелена облаков, которая не

пропускала даже лунного света. Земля была чёрной, невидимой — только слабый, призрачный свет от её собственного свечения, если оно вообще было. Вороны не каркали. Их не было слышно — ни на западе, ни на востоке, ни над головой. Тишина.

Он задремал — сам не заметил, как. Одна минута — он ещё смотрел в темноту, слушал дыхание Ирис, считал удары своего сердца. Следующая — он уже провалился в то состояние между сном и явью, где нет картинок, только звуки. Шаги. Тяжёлые, осторожные, кто-то ходил вокруг руин, не приближаясь, не удаляясь. Мерял шагами небольшой участок перед входом — туда-сюда, туда-сюда, как зверь в клетке.

Эйнар открыл глаза.

Серая Стрела стоял в двадцати шагах от входа, на фоне тёмного, беззвёздного неба. Он не двигался. Только плащ колыбался на ветру — серый, почти невидимый в темноте. Лица не разобрать — только силуэт, только намёк на человека.

Они смотрели друг на друга несколько секунд. Эйнар не поднял лук — знал, что бесполезно. Серая Стрела не нападал. Он просто смотрел. Изучал. Запоминал.

Потом Серая Стрела развернулся и ушёл. Бесшумно, как тень. Шаги удалялись — хруст-хруст-хруст, медленно, мерно, как удары метронома, как капли воды, падающие с сосульки. Потом стихли.

Эйнар не разбудил Ирис. Не стал говорить. Только положил руку на её плечо — легко, почти невесомо, чтобы убедиться, что она здесь. Она вздохнула во сне, повернулась на другой бок и затихла.

Он сидел до рассвета, не смыкая глаз.

Часть шестая: Грань надежды

XIV

Утро пришло с ветром. Сильным, порывистым, он дул с востока, принося запах сухой земли и — впервые за много дней — запах чего-то другого. Влаги. Жизни. Может быть, там, за горизонтом, были болота, или ручьи, или даже небольшие озёра, которые ещё не высохли, не рассыпались в прах.

Ирис проснулась первой, открыла глаза, посмотрела на него.

— Ты не спал?

— Нет.

— Он приходил?

— Да.

Она не спросила, почему он не разбудил её. Только кивнула, поднялась, разминая затёкшие плечи.

— Идём, — сказала она. — Сегодня мы должны дойти до границы.

— Откуда ты знаешь?

— Чувствую. Воздух стал другим. Более... живым. Распад здесь слабее. Значит, мы выходим.

Они не стали завтракать — еды не было. Только вода из фляги, которую они наполнили вчера у ручья. Эйнар сделал глоток, передал Ирис. Она сделала глоток, спрятала флягу.

Они вышли из руин, когда небо на востоке только начинало светлеть — бледной, болезненной желтизной, которая не предвещала солнца, а обещала тяжёлый пасмурный день. Но сегодня эта желтизна казалась ему не такой унылой. Может, привык. Может, надеялся.

Они шли молча. Трава под ногами стала выше, гуще, и в ней, в этой жёсткой, колючей массе, Эйнар заметил первые признаки жизни — маленькие, почти незаметные зелёные листочки, которые пробивались между серыми, сухими стеблями. Жизнь. Настоящая, живая, не серая и не мёртвая.

— Смотри, — сказал он, показывая на один из таких листочков.

Ирис нагнулась, коснулась его пальцем. Листочек был тонким, почти прозрачным, но не рассыпался. Дышал.

— Мы вышли, — сказала она. — Мы прошли через зону Распада и вышли.

— Не до конца, — ответил Эйнар. — Впереди ещё Ничейные земли. Но здесь, по крайней мере, можно жить.

Она выпрямилась, посмотрела на восток. Горизонт там был не ровным, как вчера, а неровным, с холмами, с редкими деревьями, с тёмными пятнами — может, лесами, может, просто тенями от облаков.

— Ещё день пути, — сказала она. — Или два.

— Дойдём.

Они пошли дальше.

XV

В полдень они нашли следы. Не свои — чужие. Свежие, оставленные не больше часа назад. Сапоги с железными набойками, узкий носок, широкий шаг. Серая Стрела.

— Он обошёл нас, — сказала Ирис, разглядывая отпечатки. — Пошёл на север, потом свернул на восток, ждал там, где мы должны были пройти. Потом увидел, что мы идём медленнее, чем он думал, и вернулся назад. Он нас ищет.

— Он знает, где мы?

— Он всегда знает. Но сейчас — не уверен. Мы запутали следы, когда шли через камни. Он потерял нас на несколько часов. Теперь нагоняет.

Эйнар посмотрел на запад — пусто. Ни фигур, ни теней, ни движения. Только трава, только ветер, только серая, пустая равнина.

— У нас есть время, — сказал он.

— Мало.

Они пошли быстрее.

XVI

К вечеру они вышли к небольшому лесу — редкому, низкорослому, с кривыми, искривлёнными ветром деревьями, но лесу. Здесь можно было укрыться, можно было спрятаться, можно было наконец перевести дух.

Эйнар нашёл место между корнями старой, полуживой сосны — небольшое углубление, прикрытое нависшими ветками. Внутри было сухо и темно. Ирис опустилась на землю, вытянула ногу, закрыла глаза.

— Отдохни, — сказал он. — Я посмотрю, не идёт ли кто.

— Не уходи далеко, — ответила она. — Если он придёт — не справляйся один.

Он кивнул и вышел из укрытия.

XVII

Он прошёл по краю леса, проверяя, нет ли следов. Следов не было. Только трава, только редкие, сухие листья, только ветер, который шелестел в ветвях, как шёпот.

Он остановился на пригорке, откуда открывался вид на равнину, на запад. Солнце уже садилось — бледный, почти белый диск, который не грел, только светил. Тени от деревьев стали длинными, но неправильными — слишком короткими для такого низкого солнца. Распад ещё чувствовался здесь, но уже не так сильно, как там, за прахом.

И вдруг он увидел его.

Серая Стрела стоял на краю равнины, в полумиле от леса. Один. Без оружия. Без арбалета, без ножа, без посоха. Просто стоял и смотрел. На него. На лес. На закат.

Эйнар поднял лук, натянул тетиву. Стрела легла на ложбинку, тетива загудела. Дар проснулся — не ударом, толчком, быстрым, коротким, как укол иглы. Он увидел, как Серая Стрела уклоняется от его выстрела, как стрела проходит мимо, как он, Эйнар, не успевает выстрелить второй раз, потому что руки дрожат, потому что устал, потому что боится.

Он опустил лук.

Серая Стрела не шелохнулся. Постоял ещё несколько секунд, потом развернулся и ушёл — не на запад, откуда пришёл, а на север, в сторону, где не было ни дорог, ни троп, ни даже намёка на путь.

Эйнар смотрел ему вслед, пока тень не исчезла в сумерках.

Потом вернулся к Ирис.

— Ушёл? — спросила она, не открывая глаз.

— Ушёл. На север.

— Почему?

— Не знаю. Может, решил, что не догонит. Может, пошёл за подмогой. Может, просто хочет, чтобы мы думали, что он ушёл.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, что завтра мы дойдём до границы. А там — посмотрим.

Он сел рядом, прислонился спиной к холодному, шершавому стволу. Ирис повернулась на бок, положила голову на его плечо — впервые за всё время, сама, без просьб, без объяснений. Он не отстранился. Только прикрыл глаза.

— Эйнар, — сказала она.

— Что?

— Мы пройдем.

— Знаю.

Они замолчали. Ветер шелестел в ветвях. Где-то далеко, на востоке, за лесом, за холмами, за Ничейными землями, их ждало то, что изменит всё. Или то, что убьёт их обоих.

Но это было завтра.

А сегодня они были живы.

И этого было достаточно.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 16

ГЛАВА 17. ГЛАЗАМИ ЗВЕРЯ

Часть первая: Укрытие в глубине

I

Они бежали до тех пор, пока у Ирис не начала заплетаться левая нога. Не хромать — заплетаться, как у куклы, у которой открутили гайку в бедре, и она двигается рывками, не слушаясь хозяйку. Эйнар заметил это не сразу — сначала он слышал только её дыхание: хриплое, частое, с присвистом, который становился всё громче, всё отчаяннее, как у зверя, который загнан в угол и знает, что следующая стрела будет последней. Потом он увидел, как её тень — короткая, почти невидимая — начала отставать от неё самой: сначала на шаг, потом на два, потом метра на три. Тень не хотела идти дальше. Тень знала, что впереди ждёт что-то, от чего лучше держаться подальше.

— Ирис, — сказал он, хватая её за локоть. — Остановись.

— Нельзя, — ответила она, но сама остановилась, опираясь на посох обеими руками. — Серая Стрела... он не отстаёт. Я чувствую его затылком. Он всё ближе.

Эйнар оглянулся. Запад был пуст — только серая, выжженная равнина, только жёсткая, колючая трава, которая шелестела на ветру, как старая, высохшая бумага. Но он тоже чувствовал преследователя — не затылком, даром. Дар внутри шевелился, ворочался, как зверь, который не может найти удобную позу перед долгой охотой. В затылке пульсировало, в висках давило, и перед глазами время от времени мелькали смазанные, почти незаметные картинки: тень, скользящая между камнями; плащ, серый, как пепел; пальцы, сжимающие арбалетный болт с такой силой, что костяшки белеют.

Серая Стрела не стрелял. Он не убивал сам. Он только гнал — как загонщик, который не спускает свору, пока дичь не выбьется из сил, не начнёт спотыкаться, не упадёт на колени и не закроет голову руками, моля о пощаде. Пощады не будет. Серая Стрела не знал слова «пощада». Он знал только «цель», «след» и «финал».

— Он хочет загнать нас в ловушку, — сказала Ирис, вытирая пот со лба. Тыльной стороной ладони, быстро, зло, будто сам пот был врагом, которого нужно убить. — Мы не можем бежать по открытой равнине вечно. Здесь негде спрятаться.

— Тогда идём туда, — ответил Эйнар, показывая на северо-восток, где линия горизонта ломалась, превращаясь в неровные, зубчатые очертания. Скалы. Невысокие, изъеденные ветром и временем, с глубокими трещинами, в которых можно было укрыться от ветра — и от глаз. — Если доберёмся до камней до заката — сможем затеряться.

— Если он не затеряется там раньше нас, — ответила Ирис. — Серая Стрела любит камни. Он говорит, что в камнях след держится дольше, чем на траве, а тень не прячется даже в самой глубокой трещине.

Они пошли быстрее.

II

Скалы приближались медленно, как всё в этом мире, где время замерзло и оттаивало без всякого порядка. Эйнар смотрел на них и чувствовал, как дар внутри него затихает — не успокаивается, а замирает, прислушивается, как зверь, который чует добычу, но не решается вылезти из норы. Скалы были старыми. Очень старыми. Он чувствовал их возраст не глазами — кожей, затылком, костями. Они помнили то время, когда здесь было море. Или лёд. Или что-то ещё, чему нет названия на языке людей. Время, когда отражения были глубже, длиннее, живее.

Ирис шла за ним, опираясь на посох, и её хромота становилась всё заметнее. Она не жаловалась — только иногда замирала на секунду, переживая особо острую вспышку боли, и снова шла дальше. Эйнар не предлагал остановиться — знал, что бесполезно. Она остановится, только когда упадёт. Или когда они доберутся до камней.

Они добрались до камней за час до заката.

Солнце (бледное, почти белое пятно за пеленой облаков) уже клонилось к горизонту, и тени стали длиннее — но неправильными, как везде в этих местах, слишком короткими для такого низкого света. Эйнар смотрел на свою тень и видел, что она отделилась от него почти на шаг, как будто не хотела идти за ним в скалы. Ирис стояла рядом, и её тени почти не было — только лёгкое, серое пятно у ног, похожее на след от грязной воды.

— Он не войдёт туда, — сказала Ирис, глядя на скалы. — Слишком темно. Слишком много щелей, где можно спрятаться. Он будет ждать снаружи. Или обойдёт с другой стороны.

— Тогда нам нужно найти место, где можно переждать ночь, — ответил Эйнар. — И где будет только один вход.

— Ты думаешь, он пойдёт за нами? — спросила она.

— Я думаю, он уже внутри.

Они вошли в расщелину между двумя каменными глыбами — узкую, тёмную, с гладкими, отполированными ветром стенами, которые не отражали свет, а гасили его, превращая даже яркий луч в серую, бесцветную тень. Эйнар шёл первым, выставив перед собой лук, и чувствовал, как дар внутри него пульсирует в такт шагам — раз-два, раз-два, как второе сердце, которое бьётся в другом ритме. Ирис шла за ним, и её дыхание эхом отражалось от стен, множилось, распадалось на тысячи маленьких, испуганных звуков.

— Здесь пахнет смертью, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Старой. Очень старой. Не человеческой.

— Здесь пахнет землёй, — ответил Эйнар. — Землёй, которая помнит то, чего не должно помнить.

Они шли дальше, пока расщелина не расширилась, превратившись в небольшой, почти круглый зал — естественную пещеру, выточенную водой или ветром, или чем-то ещё, чему нет названия. Пол был ровным, гладким, как зеркало, — но не отражал. Стены были такими же. И потолок — низкий, нависающий, похожий на крышку гроба, которая вот-вот захлопнется.

— Здесь мы переночуем, — сказал Эйнар, опуская мешок на пол. — Вход один. Если он пойдёт за нами — мы услышим.

Ирис не ответила. Она стояла в центре зала, повернувшись к стене, и смотрела на неё с выражением, которого Эйнар никогда не видел на её лице. Не страх — узнавание. Как будто она уже была здесь когда-то. В другой жизни. В другой памяти.

— Что ты видишь? — спросил он.

— Своё лицо, — ответила она. — Но не своё. Чужое. Как будто кто-то другой смотрит на меня изнутри. Или я смотрю на себя со стороны.

Она протянула руку к стене, но не коснулась — замерла в дюйме от поверхности.

— Это слюда, — сказала она. — Натуральное зеркало. Очень редкое. Очень древнее. Орден искал такие пещеры, но находил только обломки. А здесь — целая стена. Нет, не стена — комната. Зеркальная комната.

— Опасно? — спросил Эйнар, хотя уже знал ответ.

— Для тебя — смертельно, — ответила она, отводя руку. — Твой дар привязан к отражениям. Здесь отражения... живые. Они не показывают будущее — они его создают. Или убивают.

Она повернулась к нему, и в её глазах он увидел тот холодный, спокойный страх, который бывает у людей, которые знают, что сейчас умрут, но не могут ничего изменить.

— Нам нужно уходить, — сказала она. — Немедленно.

В этот момент лаз, через который они вошли, закрылся.

Часть вторая: Зеркальный склеп

III

Не обвал — камни не осыпались, земля не дрожала. Стены просто сдвинулись, как будто кто-то невидимый, огромный, живущий внутри скалы, решил, что гости задержались слишком долго. Эйнар бросился к выходу, сунул руку в щель, которая ещё оставалась, но стена сжалась, придавила пальцы, и он отдернул руку с глухим, сдавленным стоном. Кровь выступила из-под ногтей, тёмная, почти чёрная в этом сером, призрачном свете.

— Не надо, — сказала Ирис, беря его за плечо. — Не ломай руки. Это не камни. Это отражение.

— Чего? — спросил он, сжимая ушибленные пальцы.

— Нас. Нашего страха. Пещера отражает не свет — мысли. Мы боимся, что нас загонят в ловушку — и ловушка захлопывается. Мы боимся, что не выберемся — и выход исчезает.

— Тогда перестань бояться, — сказал Эйнар.

— Я не умею, — ответила она. — Меня учили не бояться, но это ложь. Я боюсь всегда. Просто не показываю.

Она отошла от стены, села на пол в центре зала, поджав ноги, и закрыла глаза. Эйнар смотрел на неё, потом на стены — гладкие, блестящие, живые. В них отражалось всё: они, сидящие на полу; редкие, тусклые лучи света, которые пробивались сквозь невидимые щели; тени — их собственные тени, которые отделились от тел и теперь жили своей жизнью, ползали по стенам, сталкивались друг с другом, шептали — шептали на языке, которого он не знал, но понимал.

Эйнар подошёл к ближайшей стене, посмотрел в неё. Слюда была мутной, не такой чистой, как лёд или вода, но в ней, в глубине, он видел отражение. Своё. Бледное, усталое, с седыми прядями на висках и глубокими морщинами между бровями. Таким он был сейчас. Но в следующую секунду отражение изменилось.

Он увидел себя без лица. Гладкую, бледную маску, на которой не было ни глаз, ни носа, ни рта — только серая, пустая кожа. Маска повернулась к нему, наклонила голову, как будто прислушиваясь, и улыбнулась. Не ртом — всей поверхностью. Кожа пошла рябью, трещинами, и из трещин высыпалась пыль — серая, маслянистая, как прах из мёртвой реки.

Эйнар отшатнулся, ударился спиной о противоположную стену — и замер.

Теперь он смотрел в другое отражение. Здесь он был старым — очень старым, сгорбленным, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старой сосны. Он стоял у ворот Терновой Гривы, но ворот не было — только пустота, только снег, только вороны, которые сидели на его плечах и клевали его глаза. Он не сопротивлялся. Только улыбался — той же улыбкой, что и обезличенная маска.

— Эйнар! — крикнула Ирис. — Не смотри в них!

— Я не могу отвернуться, — ответил он, и это была правда. Шея застыла, позвонки скрежетали, но не двигались. Он был прикован к этим отражениям, как прикован к позорному столбу — не убежать, не спрятаться, не закрыть глаза.

Третье отражение было самым страшным. Он увидел себя ребёнком — семилетним, с разбитыми коленями и испуганными глазами. Маленький Эйнар стоял на коленях в луже талой воды и смотрел в неё, и в луже отражался не он — утопленник. Торкель. Сын кузнеца. Мёртвый, синий, с открытыми глазами, полными ужаса. Маленький Эйнар протягивал руку к утопленнику, но вода не пускала — она была глубокой, чёрной, и в ней тонули не только тела, но и время.

— Мама, — прошептал он. — Мама, я боюсь.

Но мать не ответила. В отражении её не было. Только он, только Торкель, только чёрная вода.

IV

Ирис подбежала к нему, схватила за плечи, развернула от стены. Её пальцы впились в куртку, больно, до хруста. Она трясла его, кричала что-то, но он не слышал — звук исчез, отключился, как будто кто-то невидимый заткнул ему уши. Он видел только её лицо — бледное, испуганное, с тёмными кругами под глазами, — и на секунду ему показалось, что это не Ирис, а кто-то другой. Мать? Хельга? Девушка из видения, которая тонула в капкане?

— Не смотри на стены! — закричала она, и он наконец услышал её голос — хриплый, надорванный, как у него самого после настойки немоты. — Закрой глаза! Закрой!

Он закрыл глаза — и свет не исчез. Он проникал сквозь веки, красный, пульсирующий, как кровь, как угли в печи, как глаза зверя в темноте. Отражения были под веками, внутри головы, в каждой клетке тела. Они не зависели от света — они были светом. Чужим, холодным, слепым.

— Я вижу их, — сказал он. — Даже с закрытыми глазами.

Ирис зажала его лицо ладонями — горячими, сухими, пахнувшими мазью и кровью. Её пальцы легли на его веки, придавили, почти выдавили глаза из орбит. Боль была острой, но отрезвляющей. Он почувствовал, как дар внутри него дёрнулся, забился, как зверь, которого душат, и на секунду — всего на секунду — отражения исчезли.

— Теперь, — сказала она, не убирая рук. — Слушай меня. Не смотри. Просто слушай.

Она говорила, а он слушал. О лесе, в котором она выросла, о матери, которая умела лечить травами, об отце, который ушёл в горы и не вернулся. Она говорила быстро, сбивчиво, как будто боялась, что он умрёт раньше, чем она закончит. Её голос был единственным живым звуком в этом мёртвом, зеркальном зале — и он цеплялся за него, как утопающий цепляется за корягу, за ветку, за любую надежду.

— Я здесь, — сказала она. — Я не дам тебе исчезнуть.

Эйнар открыл глаза. Её пальцы соскользнули с его век, и он увидел её лицо — не в отражении, в реальности. Живое. Тёплое. Ошибающееся. С морщинами, которых вчера не было, и с прядью седых волос, упавшей на лоб.

— Ты не исчез, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она.

— И я не исчез.

Она убрала руки, отступила на шаг. Теперь они стояли друг напротив друга в центре зеркального зала, и их отражения — десятки, сотни, тысячи — смотрели на них со всех сторон, но не двигались. Ждали.

— Что это место? — спросил Эйнар.

— Ловушка, — ответила Ирис. — Или порог. Не знаю. В Ордене говорили о таких пещерах: «Зеркальные склепы». Их строили не люди. Или люди, но не те, которые живут сейчас. Древние. Те, кто умел делать отражения живыми. Они хоронили здесь своих мёртвых — или себя.

— Зачем?

— Чтобы помнить. Или чтобы забыть. Я не знаю.

Она подошла к ближайшей стене, коснулась её кончиками пальцев. Слюда была холодной — не просто холодной, а абсолютно холодной, как будто никогда не касалась солнца. Ирис отдернула руку.

— Выход исчез, — сказала она. — Но он вернётся, когда мы перестанем бояться. Или когда умрём.

— Тогда будем ждать, — сказал Эйнар. — Или не бояться.

Он сел на пол, прислонился спиной к стене. Слюда была холодной, но он не обращал внимания. Он закрыл глаза — и снова увидел отражения. Но теперь они были другими. Не чужими. Своими. Просто отражениями.

Часть третья: Смерть мира

V

Видение пришло не как удар — как открытие.

Эйнар сидел с закрытыми глазами, чувствуя, как дар внутри него пульсирует в такт сердцу — раз-два, раз-два, — и вдруг пульсация прекратилась. Не затихла — прекратилась, как будто кто-то выключил второй насос, и кровь потекла медленнее, тяжелее, как смола. Он открыл глаза — и не увидел зала.

Он увидел мир.

Сначала — лес. Тот самый, в котором он прожил десять лет, в котором каждое дерево было знакомым, как линии на собственных ладонях. Сосны, берёзы, осины. Снег, хвоя, тишина. Но лес умирал. Не от огня, не от топора — от забвения. Деревья не гнили, не падали, не рассыпались в прах. Они просто переставали себя помнить. Корни отрывались от земли, не потому, что земля их не держала, а потому, что земля забыла, зачем нужны корни. Листья сворачивались в трубочки, чернели, превращались в пыль, которая не падала, а улетала вверх, в серое, пустое небо, и растворялась там, как дым.

Эйнар прошёл между деревьями — не ногами, а волей, как проходят сквозь сон, — и увидел оленя. Того самого, которого убил в первой главе? Или другого? Неважно. Олень стоял

на опушке, смотрел на него чёрными, блестящими глазами и не двигался. Его шерсть была серой, не бурой, и в ней, в каждой шерстинке, отражалась смерть. Его собственная. И не только.

— Ты опоздал, — сказал олень голосом отца. Низким, хриплым, с той особенной интонацией, которую Эйнар не слышал десять лет, но помнил так же ясно, как помнил запах дыма и крови. — Ты всегда опаздываешь, сын.

— Я здесь, — ответил Эйнар. — Я пришёл.

— Ты пришёл смотреть. Смотреть — не значит спасать.

Олень развернулся и побежал в чашу, и Эйнар побежал за ним — не ногами, потому что ног не было, только воля, только отчаяние, только дар, который нёс его сквозь лес, сквозь время, сквозь отражения. Деревья проносились мимо, смазанные, как пейзаж за окном мчащейся повозки. Лес кончился, начались поля, потом холмы, потом горы. Олень бежал впереди, не сбавляя скорости, и Эйнар не отставал, потому что не мог — дар не давал ему остановиться.

VI

Горы рассыпались в прах.

Не взрывались, не обрушивались — просто переставали быть. Сначала исчезали тени, отбрасываемые скалами на снег. Потом — отражения в ледяных озёрах, которые чернели, мутнели, превращались в маслянистые лужи, в которых нельзя было увидеть даже небо. Потом сами скалы начинали крошиться — не осыпаться, а именно крошиться, как старая, засохшая глина, рассыпаясь на миллиарды мельчайших частиц, которые поднимались в воздух и заслоняли солнце.

Эйнар стоял у подножия горы и смотрел, как она умирает. В её смерти не было боли — только равнодушие. Гора не сопротивлялась, не кричала, не звала на помощь. Она просто исчезала, как исчезает вода из пересохшего русла, как исчезает тепло из остывшего костра, как исчезает память из старой, выцветшей бересты.

— Ты видел это? — спросил олень, который стоял рядом. Он уже не бежал — стоял, тяжело дыша, и смотрел на рассыпающуюся гору. — Ты видел, как умирает мир?

— Вижу, — ответил Эйнар.

— Не всё. Смотри дальше.

Гора исчезла. Вместо неё открылась равнина — серая, пустая, без единого камня, без единой травинки, без единого следа жизни. И на этой равнине стояли люди.

Сотни. Тысячи. Десятки тысяч.

Они стояли рядами, как войско перед битвой, но оружия в их руках не было — только пустота. Они смотрели вверх, на небо, которое тоже было пустым — без солнца, без луны, без звёзд, — и их глаза были открыты, но не видели. Или видели что-то, чего не видел он.

Эйнар подошёл ближе. Люди не двигались, не дышали, не моргали. Они были живыми — он слышал их сердца, биение крови в жилах, шёпот мыслей, — но они не были здесь. Они были там, в отражениях, которые исчезли. Их тени лежали на земле — короткие, толстые, неправильные, — но сами люди не обращали на них внимания. Они смотрели вверх, и в их глазах он увидел то, что заставило его сердце остановиться на один удар. Отражение. Не своё — чужое. Лицо, которое смотрело на него из каждой пары глаз, из каждого зрачка, из каждой точки, где свет встречался с тенью.

Лицо без лица. Гладкая, бледная маска. Та самая, которую он видел в отражении слюдяной стены.

— Кто это? — спросил он.

— Наблюдатель, — ответил олень. — Тот, кто смотрит на мир изнутри. Или снаружи. Или оттуда, где нет ни внутри, ни снаружи.

— Он убивает их?

— Он не убивает. Он смотрит. А они умирают от того, что их видят. Или не видят. Я не знаю. Я только олень.

Олень рассмеялся — человеческим смехом, низким, хриплым, как у отца, когда он был пьян. Эйнар не знал, смеялся ли отец когда-нибудь. Кажется, нет.

— Смотри дальше, — сказал олень и исчез.

VII

Люди закричали.

Не все сразу — сначала один, потом другой, потом десятки, сотни, тысячи. Крики сливались в один сплошной, неразборчивый гул, похожий на шум водопада, на рёв бури, на звук, который издаёт мир, когда ему больно. Эйнар зажал уши руками, но крики проникали сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь кости, сквозь самую глубину, где не было ни защиты, ни надежды. Они не были звуками — они были памятью. Памятью о том, что когда-то было живым, а теперь умирает.

Он увидел их лица. Не в толпе — каждого по отдельности. Старик с белой бородой, который стоял на коленях и молился богу, которого больше не было. Женщина с ребёнком на руках — ребёнок не плакал, он смотрел на мать пустыми, стеклянными глазами, и в них не было ни страха, ни удивления, только пустота. Молодой парень с разбитым носом и рваной губой — он сжимал в руке обломок ветки, готовясь драться, но не с кем было драться, потому что враг был внутри, в отражении, которого не было.

Крики стали тише, превратились в шёпот, шёпот — в молчание. Люди падали. Не умирали — падали, как падают марионетки, когда кукловод обрезает нити. Их тела рассыпались в прах, такой же серый, маслянистый, как в русле мёртвой реки. Прах поднимался в воздух, смешивался с прахом гор, с прахом лесов, с прахом всего, что когда-то было живым. И над всем этим, над серой, пустой равниной, в которой не осталось ни одного человека, висело лицо

без лица. Гладкая, бледная маска. И она смотрела на него. Смотрела прямо в душу, в самую глубину, где даже дар не мог найти отражения.

— Что ты хочешь? — спросил Эйнар.

Маска не ответила. Только смотрела.

— Зачем ты показываешь мне это?

Тишина.

— Я не могу это остановить.

Маска улыбнулась. Не ртом — всей поверхностью. Кожа пошла рябью, трещинами, и из трещин высыпалась пыль — серая, маслянистая, как прах. Прах упал ему на лицо, на руки, на грудь. Он был холодным — не просто холодным, а абсолютно холодным, как будто никогда не касался солнца.

Эйнар проснулся.

Часть четвёртая: Ярость пустоты

VIII

Он сидел на полу зеркального зала, прижавшись спиной к стене, и его трясло. Не от холода — от того, что внутри, под рёбрами, дар бился в истерике, как зверь, которого заперли в тесной клетке и не выпускают. Лёгкие горели, в горле першило, из носа текла кровь — тёмная, густая, почти чёрная. Он вытер её рукавом — рукав стал мокрым, красным, тяжёлым.

Ирис сидела рядом, положив голову ему на плечо. Она не спала — просто закрыла глаза и слушала, как он дышит, как бьётся его сердце, как дар внутри него успокаивается — не затихает, но перестаёт биться в истерике.

— Что ты видел? — спросила она, не поднимая головы.

— Всё, — ответил он. Голос его был хриплым, чужим, но он был. Он мог говорить. Это было главным. — Я видел всё. Лес, который забыл, как расти. Горы, которые рассыпались в прах. Людей, которые кричали без звука. И лицо. Лицо без лица. Оно смотрело на меня.

— Наблюдатель, — сказала Ирис. — Я знаю. Я видела его во сне. В Ордене. Когда они делали меня... другой. Он приходил ко мне и смотрел. Не говорил. Просто смотрел.

— И что ты чувствовала?

— Страх. Не перед смертью — перед тем, что он увидит что-то, чего я не хочу показывать. То, что я сама от себя прячу.

Она подняла голову, посмотрела на него. В её глазах не было слёз — только усталость. Такая же, как у него. Такая же глубокая, как трещина в земле у русла мёртвой реки.

— Он не враг, — сказала она. — Он просто... наблюдает. Записывает. Запоминает. Может быть, когда мир умрёт, он останется. И будет помнить. Всё. Каждое дерево, каждую гору, каждого человека. Даже тех, кто рассыпался в прах.

— Это не утешение, — сказал Эйнар.

— Я и не пытаюсь утешить. Я пытаюсь объяснить.

Она замолчала. Эйнар сидел, глядя на свои руки. Правую — здоровую, левую — переязанную. Пальцы левой руки всё ещё болели, но уже не так сильно — мазь Ирис и его травы сделали своё дело. Он пошевелил ими — отозвалось тупой, ноющей пульсацией, но пальцыгнулись. Хорошо.

— Нам нужно выбирать, — сказал он. — Я не хочу умирать здесь. В этом склепе. Без неба над головой.

Ирис встала, опираясь на посох. Нога болела — она поморщилась, но не застонала.

— Выход закрывает стена, — сказала она. — Или открывает. Я не знаю, как это работает. Но я знаю, что надо делать.

— Что?

— Сломать зеркало.

IX

Она подошла к стене — той самой, гладкой, блестящей, в которой отражалась вся их жизнь, все их страхи, все их надежды. Подняла посох — не как опору, как оружие. Замахнулась, ударила.

Посох отскочил от стены, как от воды. Не трещины, не царапины, даже звук был не звонком — глухим, вязким, как будто она ударила не по камню, а по снегу. Стена даже не дрогнула.

— Не поможет, — сказал Эйнар, поднимаясь. — Это не камень. Это отражение. Ты не можешь разбить отражение силой.

— А чем?

— Тем, у чего нет отражения.

Он подошёл к стене, встал перед ней. Посмотрел в своё отражение — бледное, усталое, с седыми прядями на висках и глубокими морщинами между бровями. Отражение смотрело на него, и в его глазах он увидел то же, что чувствовал сам: не страх, а усталость. Усталость от того, что его всё время видят, всё время отражают, всё время показывают то, чего он не хочет показывать.

— Я не боюсь тебя, — сказал он своему отражению. — Я боюсь того, что ты можешь показать. Но страх не защищает. Он только отнимает силы.

Отражение молчало.

— Я видел смерть мира, — продолжал он. — Я видел, как горы рассыпаются в прах, как люди кричат без звука, как лицо без лица смотрит на меня из каждой тени. Это страшно. Но я не умер. Я всё ещё здесь. Я всё ещё дышу. И я не исчезну.

Он протянул руку к стене — не касаясь, на расстоянии. Его пальцы дрожали — не от холода, от того, что он собирался сделать. Дар внутри него замер, прислушался, как зверь, который чувствует опасность, но не решается вылезти из норы.

— Ирис, — сказал он. — Отойди. Подальше.

Она отошла к противоположной стене, прижалась спиной к холодной, шершавой поверхности. Смотрела на него, и в её глазах был тот холодный, спокойный страх, который бывает у людей, которые знают, что сейчас кто-то умрёт, но не могут ничего изменить.

— Не умирай, — сказала она.

— Не собираюсь, — ответил он.

Х

Он закрыл глаза и провалился в себя.

Не в видение — внутрь. В ту тёмную, глубокую область, где жил его дар, где пульсировало второе сердце, где хранились все смерти, которые он видел, все отражения, которые он проклинал, все лица, которые преследовали его по ночам. Он не боялся этого места — он ненавидел его. Но сейчас он должен был туда войти. Потому что только оттуда можно было сломать зеркало.

Дар встретил его тьмой. Не враждебной — равнодушной. Тьма была густой, тягучей, как смола, и в ней, как мухи в янтаре, застыли образы. Торкель, тонущий в проруби. Отец, умирающий на лежанке. Псы, рвущие тела у ворот. Мужчина с ножом, падающий в снег. Все они смотрели на него, и в их глазах он видел себя — такого же мёртвого, такого же застывшего, такого же неподвижного.

— Вы — не я, — сказал он им. — Вы — только отражения. Мои отражения. Я создал вас, когда увидел. И я могу вас уничтожить.

Он протянул руку к Торкелю — мальчику с белыми волосами и стеклянными глазами. Коснулся его лица. Холодного, как лёд. Торкель вздрогнул, и его тело пошло трещинами, как старая, засохшая глина. Расколосось на части, рассыпалось в прах. Прах поднялся в воздух, смешался с тьмой, исчез.

Эйнар повернулся к отцу. Отец стоял, опираясь на посох, и смотрел на него тяжело, устало, как смотрел при жизни. В его глазах не было страха — только сожаление.

— Ты не виноват, — сказал отец. — Ни в чём. Ни в моей смерти, ни в смерти того мальчика. Ты просто видел. А видеть — не значит убивать.

— Я знаю, — ответил Эйнар. — Но я не могу это забыть.

— Не забывай. Но перестань бояться. Страх — это цепь. А ты не раб.

Отец улыбнулся — впервые за всю жизнь, которую помнил Эйнар. И рассыпался в прах.

Эйнар стоял в пустоте, один, среди тьмы, которая больше не давила, не душила, не прятала в себе чужие смерти. Осталась только его собственная — та, которую он видел в отражении слюдяной стены. Старик на поляне. Сгорбленный, седой, с лицом, изрезанным морщинами. Он стоял на коленях и смотрел на воронов, которые кружили над ним, и улыбался.

— Ты не умрёшь сегодня, — сказал Эйнар своему отражению. — И не завтра. И не через год. Ты умрёшь, когда мир умрёт. Или не умрёшь. Может быть, мы останемся. И будем помнить.

Отражение кивнуло и исчезло.

Тьма расступилась.

XI

Эйнар открыл глаза. Стена перед ним была покрыта трещинами — мелкими, тонкими, как паутина, как морщины вокруг глаз, как следы от ножа на старой, засохшей коже. Трещины росли, расширялись, и из них текла не вода — свет. Живой, тёплый, настоящий.

Стена рухнула.

Не с грохотом, как падают камни, — бесшумно, как падает тень, как исчезает отражение, когда отворачиваешься от зеркала. Слюда рассыпалась на тысячи осколков, которые сверкнули в воздухе — на секунду, на мгновение, — и погасли. Осталась только тьма. И за ней — выход. Узкий, извилистый лаз, ведущий наружу, в ночь, в холод, в жизнь.

Эйнар стоял, тяжело дыша, и смотрел на свои руки. Правую — здоровую, левую — перевязанную. Пальцы левой руки всё ещё болели, но уже не так сильно — мазь Ирис и его травы сделали своё дело. Он пошевелил ими — отозвалось тупой, ноющей пульсацией, но пальцы гнулись. Хорошо.

— Идём, — сказал он, протягивая руку Ирис.

Она взяла его за руку — холодную, дрожащую, — и они пошли к выходу.

Часть пятая: Голос вопреки

XII

Они вывалились из расщелины под открытое небо, когда луна — бледная, почти прозрачная — висела низко, почти касаясь горизонта. Звёзд не было — только серая, плотная пелена облаков, которая не пропускала даже лунного света. Земля была чёрной, невидимой — только слабый, призрачный свет от её собственного свечения, если оно вообще было.

Эйнар упал на колени в снег — холодный, мокрый, живой. Снег таял под его пальцами, превращался в воду, которая стекала по рукам, капала на колени, на сапоги. Он не чувствовал холода — только облегчение. Такое сильное, что кружилась голова и темнело в глазах. Он лёг на спину, раскинул руки, закрыл глаза. Снег был мягким, как пух, как овчина на лежанке, как мамины руки, когда он был маленьким и болел, и она сидела рядом и гладила его по голове.

— Эйнар, — сказала Ирис. — Эйнар, не спи.

Она стояла над ним, опираясь на посох, и смотрела вниз, на его лицо — бледное, измождённое, с запёкшейся кровью на щеке и седыми прядями на висках. В её глазах был страх — тот самый, который она прятала всё это время, который не показывала, потому что боялась, что страх сделает её слабой. Сейчас она не прятала. Не могла.

— Я не сплю, — ответил он, не открывая глаз. — Я просто... отдыхаю.

— Не отдыхай. Нам нужно идти. Серая Стрела... он где-то здесь. Он видел свет, когда рухнула стена. Он знает, что мы вышли. Он придёт.

— Пусть приходит, — сказал Эйнар. — Я больше не боюсь.

Он открыл глаза, сел. Снег скрипел под его ладонями — мягко, вязко, как под его собственными много лет назад, когда он был другим человеком, когда он ещё надеялся, что люди перестанут бояться, когда он ещё не знал, что одиночество — это не наказание, а спасение.

— Я видел конец всего, — сказал он.

Голос его был низким, надтреснутым, чужим — таким, каким он стал после настойки немоты, после видений, после всего, что случилось в этой проклятой пещере. Но он был. Он мог говорить. Это было главным.

— Всё умирает, — продолжал он, глядя на Ирис. — Леса, горы, люди. Даже отражения умирают. Но есть то, что не умирает. Тот, кто смотрит. Наблюдатель. Он останется. И будет помнить. Всё. Каждое дерево, каждую гору, каждого человека. Даже нас.

— Тебя это утешает? — спросила Ирис.

— Нет, — ответил он. — Но это правда. А правда — это единственное, что у нас осталось.

Она помолчала, потом протянула руку — не за рукав, за пальцы, холодные, дрожащие. Сжала их.

— Ты изменился, — сказала она. — В пещере. Я видела, как ты смотрел в стену, как ты... ломал её. Не силой — волей. Твой дар не проклятие. Ты сам решаешь, что он показывает. Или не решаешь, но можешь.

— Я не знаю, что я могу, — ответил он. — Знаю только, что я не хочу больше бояться. Бояться отражений, бояться смерти, бояться того, что я вижу. Я устал бояться.

Он встал, отряхнул снег — с коленей, с рукавов, с груди. Поправил колчан, который сбился набок. Стрелы пересчитал на ощупь — четырнадцать. Лук был на месте. Нож на поясе. Ирис рядом, опираясь на посох.

— Идём, — сказал он. — На восток. Пока светло.

— Ночь, — напомнила она.

— Значит, пока темно.

XIII

Они пошли на восток — медленно, осторожно, поддерживая друг друга. Снег скрипел под отцовыми сапогами — глухо, вязко, как под его собственными много лет назад. Ирис шла рядом, опираясь на посох, и её хромота стала почти незаметной — адреналин заглушал боль, заставлял тело работать на пределе.

Они не разговаривали. Не было сил. Не было слов.

Эйнар думал о том, что видел в пещере. О лесе, который умирал от забвения. О горах, которые рассыпались в прах. О людях, которые кричали без звука. И о Наблюдателе — лице без лица, которое смотрело на него из каждой тени, из каждого отражения, из самой глубины, где даже дар не мог найти ответа.

Он не знал, что это значит. Не знал, как это остановить. Не знал, можно ли это остановить вообще.

Но знал одно: он не один.

Рядом шла девушка, которая не боялась ни его дара, ни его видений, ни его немоты. Девушка, которая тоже была изгоем. Девушка, которая смотрела на него не как на Морока, а как на человека. Девушка, которая — как и он — видела смерть и не отворачивалась.

И этого, наверное, было достаточно.

XIV

Они вышли к лесу — редкому, низкорослому, с кривыми, искривлёнными ветром деревьями, — когда небо на востоке начало светлеть. Не рассвет — предрассветье. Бледная, болезненная желтизна, которая не обещала солнца, а предвещала тяжёлый пасмурный день. Эйнар смотрел на это небо и не чувствовал страха. Только усталость.

— Здесь переночуем, — сказал он, кивая на углубление между корнями старой, полуживой сосны.

Ирис кивнула, опустила на землю, закрыла глаза. Она не спала — просто отдыхала, набиралась сил перед следующим переходом. Эйнар сел рядом, положил лук на колени, снял с плеча колчан. Стрелы пересчитал на ощупь — четырнадцать. Лук был на месте. Нож на поясе.

Он смотрел на восток, и в его глазах отражался бледный, умирающий свет. Он думал о том, что этот день — четвёртый или пятый с тех пор, как он встретил Ирис, — был самым длинным в его жизни. Но он не жалел. Он не жалел ни о чём. Ни об убийстве человека на поляне, ни о видении в пещере, ни о погоне, ни о страхе, который он чувствовал, когда смотрел в слюдяную стену и видел там не себя — пустоту.

Вороны вернулись на рассвете.

Они сидели на ветках сосен — чёрные, неподвижные, с жёлтыми глазами. Их было много — десятки, может, сотни. Они облепили деревья вокруг убежища, как чёрный мох, как траурная лента, как память о тех, кого уже нет. Но сегодня Эйнар не боялся их. Сегодня он смотрел на них и видел не смерть — жизнь. Жизнь, которая ждала впереди. Или смерть, которая ждала впереди. Какая разница?

— Ирис, — сказал он. — Ты боишься?

— Да, — ответила она, не открывая глаз. — Но иду.

— Почему?

— Потому что ты идёшь.

Она усмехнулась — криво, одними губами, без улыбки. Но в уголках её губ что-то дрогнуло. Не улыбка. Тень улыбки. Или намёк на неё.

Эйнар закрыл глаза и провалился в сон — глубокий, без видений, без отражений, без смерти. Только темнота, только покой, только надежда, что завтрашний день будет лучше, чем вчерашний.

А вороны ждали.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 17

ГЛАВА 18. ГОЛОС ВОПРЕКИ

Часть первая: Цена за выход

I

Он пришёл в себя от того, что кто-то тряс его за плечи.

Не сильно — осторожно, как трясут спящего, которого жалко будить, но нельзя оставить в беспомощности, потому что за окном — пожар, а в доме — дым. Сознание возвращалось мед-

ленно, вязко, как смола, которая течёт по дереву зимой — нехотя, с остановками, с возвращениями назад. Сначала были только звуки. Её голос — хриплый, надорванный, как у него самого после того, как Хельга влила ему в горло немоту. Она что-то говорила, быстро, испуганно, слова сливались в сплошной поток, в котором он не разбирал ни начала, ни конца. Только обрывки: «...не смей...», «...слышишь...», «...я не пойду одна...».

Потом — ощущения. Холод, который пронизывал до костей, до мозга, до самой глубины, где тепла никогда не было. Снег под спиной, мокрый, липкий, пропитанный теплом его тела, превратившийся в ледяную кашу, которая забивалась под воротник, в рукава, за пояс. Камни под спиной — острые, неровные, они впивались в лопатки, в позвоночник, в рёбра, напоминая о том, что он жив, пока чувствует боль. Ветер, который дул с востока, принося запах сухой земли и чего-то ещё — горечи, пустоты, праха. Запах, который он уже знал. Запах мёртвой реки. Запах рассыпающихся гор. Запах Наблюдателя.

И наконец — боль. Всё тело болело — каждая мышца, каждая косточка, каждый шрам, каждая царапина, полученная за последние дни. Левая рука пульсировала тупой, ноющей болью, которая поднималась от запястья к локтю, от локтя к плечу, от плеча к сердцу, заставляя сердце биться чаще, чаще, чаще. Голова раскалывалась, и в ушах стоял звон — высокий, тонкий, назойливый, как комариный писк в летнюю ночь, от которого нельзя спрятаться, потому что он внутри, в голове, в крови. В груди кололо, в лёгких свистело, и каждый вдох давался с трудом, со скрипом, как будто лёгкие были старыми, проржавевшими мехами, которые давно не смазывали.

Он лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в небо. Небо было серым, низким, без единого просвета — даже намёка на солнце, даже бледного пятна, за которое можно было бы зацепиться взглядом. Облака висели неподвижно, как нарисованные, и казались такими плотными, что, наверное, их можно было потрогать рукой — холодные, влажные, тяжёлые. Они давили на глаза, на лицо, на грудь, и Эйнару казалось, что он тонет в этом небе, как в болоте — медленно, неотвратно, без надежды на спасение.

— Ты живой, — сказала Ирис, склоняясь над ним. Её лицо закрыло небо — бледное, измождённое, с тёмными кругами под глазами и глубокими морщинами, которых вчера не было. — Ты живой, Эйнар. Слышишь?

Он хотел ответить, но из горла вырвался только хрип. Сухой, надсадный, похожий на кашель больной собаки. Не звук — шорох. Воздух, который с трудом протискивался сквозь сжатые связки, как вода сквозь узкую щель в плотине. Он попытался снова — тот же хрип, только тише, жалобнее. Язык был тяжёлым, распухшим, прилипшим к нёбу. Губы шевелились, но из них выходил только воздух — тёплый, влажный, бесполезный.

Ирис опустила на колени рядом, взяла его за руку — правую, здоровую, ту, что не была перевязана. Её пальцы были холодными, в ссадинах и царапинах, с обломанными ногтями, но они держали крепко, почти больно. Она не отпускала.

— Не пытайся говорить, — сказала она, и в её голосе появились новые нотки — не страх, не отчаяние, а что-то другое, похожее на приказ. На требование. На мольбу. — Не сейчас. Связки... настойка, видение, ты слишком много на себя взял. Они восстановятся. Должны восстановиться. Я видела такое в Ордене. После шока голос возвращается. Не сразу, но возвращается. Ты должен верить.

Она говорила, а он смотрел на неё и пытался понять, где они. Вокруг были скалы — чёрные, острые, с гранями, которые не блестели, а гасили свет, превращали даже яркий луч в серую, бесцветную тень. Снег лежал не везде, только пятнами, в низинах, между камнями, и был не белым, а серым — того же оттенка, что и небо, что и скалы, что и её лицо. В одном месте, у подножия скалы, чернел провал — узкий, тёмный, похожий на открытую рану, из которой всё ещё сочился холод. Не тот холод, который бывает зимой, когда мороз трещит и деревья лопаются от стужи. Другой. Абсолютный. Холод пустоты. Холод места, где отражения умирают.

Провал — это выход из зеркальной пещеры. Они вышли. Или их вышвырнуло. Или стена, которую он сломал, сама вытолкнула их наружу, как выталкивает инородное тело живой организм — с болью, с кровью, с отчаянием, но с надеждой на исцеление.

— Мы снаружи, — сказала Ирис, проследив за его взглядом. — Ты сломал стену. Не знаю как. Не знаю зачем. Но ты её сломал. И нас не завалило. Это чудо. Или дар. Или просто везение.

Она помолчала, потом добавила тише, почти шёпотом, как будто боялась, что кто-то услышит:

— Или Наблюдатель решил, что мы ещё нужны.

II

Она помогла ему сесть, подсунув под спину свой изодранный плащ. Плащ был мокрым, холодным, пах дымом и кровью, но это было лучше, чем сидеть прямо на снегу. Эйнар прислонился спиной к скале — камень был шершавым, холодным, но живым. Не таким, как в пещере. Не зеркальным. Он чувствовал под пальцами каждую трещинку, каждый выступ, каждую впадину — и это было настоящим. Реальным. Не отражением.

Он закрыл глаза и сосредоточился на дыхании. Вдох — холодный воздух обжёг ноздри, горло, лёгкие. Выдох — пар растворился в сером небе, поднялся к скалам, рассеялся. Вдох — выдох. Ритм, который держал его в этом мире, не давал провалиться обратно, в пустоту, где нет ни времени, ни боли, ни надежды.

Дар внутри пульсировал — ровно, спокойно, в такт сердцу. Не видение — предчувствие. Что-то приближалось. Не опасность — неизбежность. То, что должно было случиться, независимо от того, хочет он этого или нет.

— Твоя рука, — сказала Ирис, беря его за запястье. — Дай посмотрю.

Она размотала повязку — осторожно, чтобы не повредить рану сильнее. Тряпица присохла к коже, и когда она отдирала её, края кожи отходили вместе с тканью — тонкие, розовые полоски, на которых ещё не успела образоваться корка. Кровь выступила сразу — алая, густая, но не обильная. Эйнар зашипел — беззвучно, потому что голоса всё ещё не было, — но не отстранился. Не мог. Или не хотел показывать слабость.

— Гноя почти нет, — сказала она, осматривая рану. — Красные полосы побледнели. Воспаление отступает. Это хорошо. Плохо то, что ты снова её открыл. Когда ты ломал стену —

ты напрягал левую руку. Я видела. Ты не замечал, но я видела. Ты сжал кулак так, что костяшки побелели. И рана открылась.

Она достала из кармана маленькую глиняную плошку — ту самую, с мазью, пахнущую южными травами и чем-то ещё, сладковатым, приторным, почти тошнотворным. Откинула крышку — внутри осталось совсем немного, на донышке, тонкий слой, едва прикрывающий глину. Она зачерпнула мазь пальцем, начала втирать в рану. Пальцы её были холодными, но уверенными — она делала это сотни раз, на себе, на других, на тех, кто уже не мог за себя постоять.

— Мазь кончается, — сказал он. Вернее, попытался сказать. Вместо слов — только хрип, только шипение, только воздух, вырывающийся из горла со свистом.

Ирис подняла голову, посмотрела на него. В её глазах — тёмных, глубоких, с красными прожилками на белках, — он увидел понимание. Она умела читать по губам. Или просто чувствовала.

— Мазь почти кончилась, — сказала она, отвечая на его невысказанный вопрос. — Это плохо. Но мы уже вышли из зоны активного Распада. Здесь раны заживают быстрее. Даже без мази. Даже у тебя.

Она замотала руку новой тряпицей — оторвала от подола рубахи, той, что была под курткой. Рубаха была почти чистой, и на её фоне кровь казалась особенно яркой, почти чёрной. Она затянула узел, проверила, не слишком ли туго. Потом откинулась на скалу, закрыла глаза.

— Нам нужно идти, — сказала она. — Скоро здесь будет Серая Стрела. Он видел свет, когда рухнула стена. Он знает, что мы вышли. Он придёт.

— Пусть приходит, — подумал Эйнар. Сказать он не мог, но Ирис, должно быть, прочитала это по его лицу — по сжатым губам, по напряжённым скулам, по взгляду, в котором не было страха.

— Ты не боишься, — сказала она. — Это хорошо. Но глупо. Бояться нужно. Страх — это не слабость. Страх — это сигнал. Он говорит: «Будь осторожен, не расслабляйся, смотри в оба». Если не бояться совсем — можно пропустить удар. Тот самый, который будет последним.

Она открыла глаза, посмотрела на него. В её взгляде была не только усталость — там было что-то ещё. То, что он видел только раз в жизни: в глазах матери, когда она стояла у ворот Терновой Гривы и плакала, но не могла защитить. Отчаяние. И надежда. Вместе. Как огонь и вода, которые не смешиваются, но существуют рядом.

— Я боюсь, — сказал он беззвучно. Губы шевелились, но звука не было. Ирис поняла.

— Я знаю, — ответила она. — Я тоже. Но мы идём дальше. Потому что другого выхода нет.

III

Она помогла ему подняться, подставив плечо. Эйнар оперся на неё — тяжело, почти всем весом. Левая рука болела, правая была занята луком, который он не выпустил даже когда падал. Ноги дрожали, колени подгибались, и он чувствовал, как земля уходит из-под ног, как будто он стоит не на камне, а на зыбком, ненадёжном льду, который вот-вот треснет и утянет его в чёрную, холодную воду.

— Держись, — сказала Ирис. — Я не дам тебе упасть.

Они пошли. Не на восток — вверх, по склону, туда, где скалы были выше, а расщелины — уже. Ирис выбрала этот путь не случайно: в узких проходах Серой Стреле будет труднее их преследовать — он не сможет обойти, не сможет окружить, не сможет стрелять из арбалета на дальность. Только в ближнем бою. А в ближнем бою у них были нож и посох. И отчаяние. И друг друг.

Они шли медленно, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы перевести дух. Эйнар дышал тяжело, с присвистом, и этот свист казался ему неестественно громким в тишине, как крик, как выстрел, как треск ломающейся кости. Но вокруг никого не было — только камни, только снег, только серое, пустое небо.

Эйнар смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, и думал о том, что этот день — четвёртый или пятый с тех пор, как они встретились, — был самым длинным в его жизни. Убийство человека на поляне. Встреча с Ирис. Видение в пещере со слюдяной стеной, где он увидел конец всего. Погоня через прах и пустоту. Тени, которые не подчиняются свету. Всё это смешалось в одно — тяжёлое, липкое, как смола, — и давило на плечи, на затылок, на сердце.

Он думал о Наблюдателе — лице без лица, которое смотрело на него из слюдяной стены. О том, что этот Наблюдатель, может быть, видел всё. Каждое его падение, каждую смерть, которую он не смог предотвратить, каждую ночь, когда он сидел у печи и смотрел на огонь, боясь закрыть глаза, потому что за веками — отражения. И может быть, Наблюдатель не осуждал его. Может быть, он просто... запоминал. Как запоминают старые письма, которые никто уже не может прочитать, но выбрасывать жалко.

— Здесь, — сказала Ирис, когда они нашли небольшое углубление между двумя каменными глыбами.

Углубление было узким, тёмным, но сухим — снег сюда почти не задувало, и ветер гулял не так сильно, как на открытом месте. Внутри можно было сидеть, прижавшись спиной к стене, вытянув ноги, и не мёрзнуть. По крайней мере, не так сильно.

Она помогла ему опуститься на землю, села рядом. Вытянула ноги — левую, раненую, осторожно, чтобы не потревожить повязку, — и закрыла глаза. Не спала — отдыхала. Набиралась сил. Её дыхание было ровным, но неглубоким — она не расслаблялась, даже когда закрывала глаза. В Ордене, наверное, учили не расслабляться никогда. Даже во сне. Даже когда кажется, что опасность миновала.

Эйнар сидел, глядя на свои руки, и пытался понять, что с ним случилось в пещере. Он помнил слюдяную стену. Помнил отражения — тысячи, десятки тысяч отражений, в которых он видел себя: мёртвого, живого, старого, молодого, ребёнка, старика, человека и нечеловека. Помнил, как смотрел в своё отражение и видел не себя — пустоту. Помнил, как дар внутри

него дёрнулся, забился, как зверь, которого душат, и как он — он сам, Эйнар, — заставил этот дар подчиниться.

Или не заставил. Или дар сам решил, что пора остановиться. Он не знал. И, наверное, не узнает никогда.

IV

Ирис уснула первой — усталость сломила её, и она провалилась в сон, сидя, прислонившись к стене, сжимая в руке посох. Её дыхание стало ровным, глубоким, почти беззвучным. Иногда она вздрагивала во сне — может, видела что-то, может, просто замерзала. Эйнар накинул на неё свой плащ — тот самый, старый, драный, который он носил десять лет. Плащ был мокрым, холодным, пах дымом и кровью, но он был тёплым. По крайней мере, теплее, чем ничего.

Он сидел, глядя на неё, и думал о том, что если бы не она, он умер бы там, в пещере. Не от видений — от отчаяния. От того, что понял: он не один. Рядом есть кто-то, кто тоже боится, но не показывает. Кто тоже устал, но идёт дальше. Кто тоже проклят, но не сдаётся.

Она была красивой — той странной, болезненной красотой, которая бывает у людей, которые слишком много видели и слишком мало спали. Красотой умирающего пламени. Красотой последнего листа на осенней ветке. Эйнар смотрел на неё и думал: «Мы похожи. Оба изгой. Оба проклятые. Оба не умеем просить помощи и не показываем слабость. Может, поэтому мы встретились. Может, поэтому мы идём вместе. Может, это — не случайность, а судьба».

Он не верил в судьбу. Он верил в причины и следствия, в следы на снегу и в видения в отражениях. Но сейчас, глядя на эту спящую девушку, на её бледное, измождённое лицо, на её руки, сжимающие посох даже во сне, он почувствовал, что в мире есть что-то большее, чем просто причинно-следственные связи. Что-то, что нельзя объяснить ни даром, ни проклятием, ни настойкой немоты.

Что-то, чему ещё не было имени.

Часть вторая: Первая попытка

V

Он сидел, прислонившись спиной к холодному, шершавому камню, и повторял про себя слова. Просто так, для тренировки. «Я. Ты. Мы. Они. Идти. Стоять. Спать. Есть. Жить. Умирать. Надеяться. Бояться».

Слова крутились в голове, как белки в колесе, но когда он пытался произнести их вслух, из горла вырывался только хрип или кашель. Иногда — невнятный, горловой звук, похожий на мычание больного животного. Эйнар злился на себя, на свою слабость, на своё проклятие, и эта злость помогала. Она заставляла его пробовать снова и снова, даже когда горло горело, а связки отказывались слушаться.

— Э-э-э, — выдавил он. — А-а-а. О-о-о.

Гласные. Самые простые звуки. Те, с которых начинают учиться говорить дети. Он чувствовал себя ребёнком — беспомощным, глупым, слабым. Но он не был ребёнком. Он был охотником, изгоем, человеком, который видел смерть в отражениях. И он не имел права сдаваться.

— А-а-а, — повторил он громче. Голос сорвался, превратился в кашель — глухой, утробный, с металлическим привкусом во рту. Он отвернулся, сплюнул в снег. Мокрота была розовой, с прожилками крови — следы того, что голос ещё не вернулся окончательно.

Ирис спала. Непокойно, с вздрагиваниями, с тихими, жалобными стонами, которые вырывались из её горла, когда ей снилось что-то страшное. Эйнар не будил её — знал, что она не выспалась уже много дней, что её тело нуждается в отдыхе больше, чем в еде, что если она не поспит сейчас, то завтра просто упадёт и не встанет.

Он смотрел на неё и вспоминал, как в детстве учился читать. Мать показывала ему буквы, вырезанные на деревянных табличках. «Это — «А», — говорила она. — Это — «Б». Запомни, сынок. Буквы — это ключи. Они открывают двери. Двери — в другие миры». Тогда он не понимал, о чём она говорит. Думал, что другие миры — это сказки, которые рассказывают у костра, когда за окном воеет вьюга и снег засыпает окна до самой крыши. Теперь он знал: другие миры — это отражения. А буквы — это слова. А слова — это голос. А голос — это он сам.

— Ирис, — попытался сказать он. Вместо «Ирис» получилось невнятное «И-и-и», похожее на писк комара. Он попробовал снова — «Ир-р-р». Третий раз — «И-рис». Почти. Четвёртый — «Ирис».

Она не проснулась. Только вздохнула во сне, повернулась на другой бок и затихла.

Эйнар повторил её имя ещё несколько раз, тихо, почти шёпотом, наслаждаясь тем, как звуки складываются в слово, а слово — в образ. «Ирис». Как цветок, который растёт на болотах, синий, с жёлтой сердцевинкой. Ядовитый. Или нет? Он не помнил. Ему казалось, что это имя — предзнаменование. Или проклятие. Или просто имя, которое ничего не значит, но будет сниться ему по ночам.

Он попробовал своё имя. «Эй-нар». Получилось лучше, чем он ожидал — хрипло, но разборчиво. «Эйнар». Он не называл себя вслух уже много дней — с тех пор, как Хельга влила ему в горло настойку немоты. За это время он почти забыл, как звучит его собственное имя. Теперь оно возвращалось — чужое, надтреснутое, но своё.

— Эйнар, — сказал он громче. — Я — Эйнар.

Голос сорвался на последнем слоге, и он закашлялся — долго, надрывно, с хрипом и свистом. Из глаз брызнули слёзы — не от боли, от напряжения. Он вытер их рукавом — рукав стал мокрым, красным от крови, которая всё ещё сочилась из раны на левой руке.

— Не торопись, — сказал он сам себе. Шёпотом, потому что громче не мог. — Голос вернётся. Не сегодня — завтра. Или послезавтра. Связкам нужно время.

Он не знал, правда это или ложь. Но он должен был верить. Потому что если он перестанет верить — он рассыплется в прах, как те дома, как та река, как та деревня. Станет частью этой серой, мёртвой равнины, которая ждёт только одного — чтобы кто-то пришёл и вспомнил, что когда-то здесь была жизнь.

Он будет помнить. Пока может.

VI

Через час, когда небо на востоке начало светлеть бледной, болезненной желтизной, Ирис открыла глаза. Посмотрела на него — спросила взглядом.

— Ты спал? — спросила она.

— Нет, — ответил он. Слово получилось коротким, рубленным, почти без хрипа.

Она удивилась — брови поднялись, глаза расширились.

— Ты говоришь, — сказала она. — Почти без хрипа.

— Почти, — согласился он. — Ещё больно. Но говорить можно.

Она села, разминая затёкшие плечи. Посмотрела на него долго, изучающе, как смотрят на карту, на которой обозначено не только настоящее, но и будущее.

— Что ты чувствуешь? — спросила она.

— Усталость, — ответил он. — И... облегчение. Как будто я нёс мешок с камнями десять лет, а теперь снял его и могу выпрямиться.

— Десять лет, — повторила она. — Ты десять лет не мог говорить? Нет, ты мог. Ты просто молчал. Это другое.

— Я молчал, потому что нечего было сказать, — ответил он. — Или потому, что никто не хотел слушать. Какая разница?

— Разница есть, — сказала она. — Молчание, когда есть что сказать, — это страх. Молчание, когда нечего сказать, — это мудрость. Ты всегда знал, что сказать. Просто боялся.

Она не ждала ответа. Встала, опираясь на посох, подошла к выходу из расселины, выглянула наружу. Снег перестал идти, но небо оставалось серым, низким, тяжёлым. Вдалеке, на западе, чернели скалы — те самые, из которых они выбрались. Между скалами и их убежищем — пустота. Ни следа, ни тени, ни движения.

— Чисто, — сказала она. — Пока.

Она вернулась, села рядом, достала из кармана флягу — последнюю, с остатками воды, — сделала глоток, протянула ему.

— Пей, — сказала она. — Сегодня нам идти дальше. Нужны силы.

Он взял флягу, сделал глоток. Вода была холодной, с привкусом железа — того самого, который появляется, когда долго держишь её в железной фляге. Но она была живой. Не как прах. Не как пустота.

— Где Серая Стрела? — спросил он, возвращая флягу.

— Не знаю, — ответила она. — Я не чувствую его. Может, ушёл. Может, затаился. Он умеет ждать.

— Он не уйдёт, — сказал Эйнар. — Он будет ждать. На открытом месте. Когда мы выйдем из скал.

— Знаю, — ответила она. — Но другого пути нет.

Она протянула руку, чтобы помочь ему встать. Он взял её за руку — холодную, дрожащую, — и поднялся. Отцовы сапоги держали тепло. Лук был на плече. Стрелы — в колчане. Нож — на поясе.

— Идём, — сказал он.

Они вышли из расселины.

VII

Склон был крутым, усыпанным мелкими камнями, которые осыпались под ногами, грозя увлечь за собой. Эйнар шёл первым, выбирая путь, Ирис — за ним, опираясь на посох. Они не разговаривали — берегли силы. Только дыхание — хриплое, частое, с присвистом, — нарушало тишину.

Эйнар думал о том, что он скажет, когда голос вернётся окончательно. Не Ирис — другим. Тем, кто встретится на пути. Тем, кто будет бояться. Тем, кто назовёт его Мороком. Он хотел сказать: «Я не враг. Я просто человек. У меня есть дар, которого я не просил. Я не хочу вам зла. Я хочу только одного — чтобы вы не умирали там, где я мог бы вас спасти».

Но слова застревали в горле, не успев родиться. Он не знал, сможет ли сказать это вслух, даже когда голос вернётся. Слова были слишком тяжёлыми. Слишком правдивыми. Слишком опасными.

— Остановись, — сказала Ирис, когда они вышли на небольшой, ровный участок, где можно было перевести дух.

Эйнар остановился, опираясь на лук. Лук был старым, отцовским, из цельного куска тиса, вымоченного в оленьей крови и просушенного в дыму. Он помнил, как отец учил его стрелять. «Не дыши, когда стреляешь, — говорил отец. — Дыхание сбивает прицел. Выдохни — и в этот миг отпуская тетиву». Эйнар выдыхал. И стрелы летели туда, куда нужно. Всегда. Кроме того раза, когда он стрелял в человека. Тогда он промахнулся. Или не промахнулся — попал, но не туда, куда целился.

— Ты дрожишь, — сказала Ирис, беря его за руку. — Не от холода. От напряжения. Расслабься. Мы не на войне. Мы просто идём.

— Мы на войне, — ответил он. Голос его был хриплым, но слова прозвучали чётко. — С самого начала. С того дня, когда я увидел смерть Торкеля в серебряном кулоне. С того дня, когда меня называли Мороком. С того дня, когда я взял в руки нож и убил человека.

Ирис посмотрела на него долго, изучающе. Потом сказала:

— Война кончится. Не сегодня — завтра. Или через год. Но она кончится. А мы оста-
немся. Если не умрём.

— А если умрём?

— Тогда мы умрём вместе. Это не так страшно, как умирать одному.

Она произнесла это спокойно, как о погоде. Без пафоса, без обещаний. Просто факт. Эйнар смотрел на неё и думал: «Она права. Умирать одному страшно. Я знаю. Я почти умер один — там, в хижине, когда дар показал мне мою смерть. Я лежал на лежанке и смотрел в потолок, и мне казалось, что я уже умер, а тело ещё не поняло этого. И рядом никого не было. Только стены. Только печь. Только ведро с водой, накрытое тряпкой».

— Идём, — сказал он.

Они пошли дальше.

Часть третья: Первое слово

VIII

Они спустились с холма и вышли на равнину. Равнина была серой, пустой, без единого деревца, без единого куста, без единого камня, за которым можно было бы спрятаться. Только трава — жёсткая, колючая, по колено, — которая шелестела под ногами, как старая, высохшая бумага. Только ветер. Ветер дул с востока, принося запах сухой земли и чего-то ещё — влаги, жизни, надежды.

Эйнар остановился, прислушался. Дар внутри пульсировал — ровно, спокойно, в такт сердцу. Не видение — предчувствие. Что-то впереди. Кто-то. Живой. Или не живой. Он не знал.

— Там, — сказал он, показывая на восток.

Ирис посмотрела туда, куда он указывал. Горизонт был ровным, как струна, — ни холмов, ни деревьев, ни даже облаков. Только серая, выжженная земля и такое же серое, пустое небо.

— Ничего, — сказала она.

— Там что-то есть, — ответил он. — Я чувствую.

— Дар?

— Не знаю. Может, просто надеждой.

Она посмотрела на него долго, изучающе. Потом кивнула.

— Тогда идём туда.

Они пошли на восток.

IX

Они шли до тех пор, пока солнце (бледное, почти белое пятно за пеленой облаков) не поднялось на высоту трёх копий. Ирис остановилась первой — не потому, что устала, а потому, что заметила что-то вдаль. Эйнар проследил за её взглядом и увидел.

Человек. Один. Стоял на невысоком холме, в полумиле от них. Серый плащ, капюшон, надвинутый на лицо. Не двигался. Просто стоял и смотрел. Его фигура была неподвижной, как изваяние, и в этой неподвижности было что-то неестественное — не спокойствие статуи, а терпение хищника, который знает, что добыча сама придёт к нему.

— Серая Стрела, — сказала Ирис. — Он ждёт.

— Чего? — спросил Эйнар.

— Нас. Или подмоги. Или того, что мы устанем и сделаем ошибку.

— Мы не сделаем.

— Я знаю. Но он не знает.

Человек на холме не шелохнулся. Только плащ колыхался на ветру — серый, как пепел, как прах, как небо над головой. Эйнар смотрел на него, и в затылке пульсировало — дар просыпался. Не видение — предчувствие. Тяжёлое, липкое, как смола.

— Идём, — сказала Ирис. — Не смотри на него. Он хочет, чтобы мы смотрели. Чтобы боялись.

— Я не боюсь, — ответил Эйнар. — Я злюсь.

Он сделал шаг вперёд, потом второй, третий. Ирис шла за ним, и её хромота стала почти незаметной — адреналин заглушал боль, заставлял тело работать на пределе. Человек на холме стоял неподвижно. Он не стрелял. Не кричал. Не звал подмогу. Просто смотрел.

Эйнар остановился, когда до холма оставалось шагов двести. Он поднял лук, натянул тетиву. Стрела легла на ложбинку, тетива загудела — низко, глухо, как больной орган. Дар внутри пульсировал, показывая траекторию — стрела уйдёт влево, если он выстрелит сейчас. Нужно подождать. Ещё секунду. Ещё две. Пока ветер не стихнет.

Он ждал. Человек на холме не двигался.

— Не стреляй, — сказала Ирис. — Он слишком далеко. Ты промахнёшься.

— Я не промахнусь, — ответил он. — Я никогда не промахиваюсь.

Но он опустил лук. Не потому, что боялся промахнуться. Потому что понял: этот человек не враг. Он — инструмент. Оружие. Такое же, как нож или арбалет. У него нет злобы, нет ненависти, нет даже цели. Есть только приказ. И он выполняет его.

— Идём, — сказала Ирис. — Не смотри на него.

Они пошли дальше, обходя холм стороной. Человек в сером плаще не преследовал их. Он просто стоял и смотрел, пока они не скрылись за гребнем следующей возвышенности.

Х

Они нашли убежище в небольшом овраге, поросшем жёсткой, колючей травой. Овраг был неглубоким, но достаточно широким, чтобы в нём можно было сидеть, не высовываясь. Эйнар опустился на землю, прислонился спиной к склону. Земля была холодной, влажной, пахла прелью и чем-то ещё — может, гнилью, может, просто старостью. Ирис села рядом, положив посох на колени.

— Он не пойдёт за нами, — сказала она. — Пока. Он будет ждать, когда мы выйдем на открытое место. Там он и нападёт.

— Когда мы выйдем? — спросил Эйнар.

— Завтра, — ответила она. — Или послезавтра. Когда кончатся скалы и начнётся пустошь. Там негде будет спрятаться. Там он и ударит.

— Мы убьём его, — сказал Эйнар. Голос его был твёрдым, без хрипа.

Ирис посмотрела на него. В её глазах — усталость, надежда, страх. Всё вместе.

— Да, — сказала она. — Мы убьём его. Или он убьёт нас. Но мы попробуем.

Она помолчала, потом добавила тише:

— Твой голос возвращается. Это хорошо. Очень хорошо.

— Я знаю, — ответил он.

XI

Они сидели в овраге до темноты, не разводя костра — боялись, что дым привлечёт Серую Стрелу. Эйнар повторял слова — шёпотом, беззвучно, одними губами. «Я. Ты. Мы. Они. Идти.

Стоять. Спать. Есть. Жить. Умирать. Надеяться. Бояться». С каждым разом слова давались легче, связки слушались лучше, хрип становился тише.

Он вспоминал свою жизнь. Хижину в лесу, где он прожил десять лет. Печь, которая трескалась каждую зиму, и он замазывал трещины глиной, смешанной с золой. Ведро с водой, накрытое тряпкой, чтобы не отражало. Обсидиановый нож, который он выточил из камня, найденного в русле пересохшего ручья. Сапоги отца, которые были велики, но держали тепло.

Он вспоминал людей. Мать, которая плакала, но не защитила. Отца, который молчал, но любил. Хельгу, которая дала ему немоту, но дала и шанс. Бранна, который изгнал его, но не убил. Мальчишку с рогаткой, который протянул кусок хлеба.

Он вспоминал смерти. Торкеля, который утонул в проруби. Псов, которые рвали тела у ворот. Человека с ножом, которого он убил на поляне. Арбалетчика, которого он убил в каменной ловушке.

И он понял: он не жалеет. Он не жалеет ни о чём. Ни об убийствах, ни о видениях, ни о страхе, который преследовал его всю жизнь. Потому что всё это — часть его. Как дар. Как проклятие. Как голос, который возвращается.

— Ирис, — сказал он.

— Что? — спросила она, не открывая глаз.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что не бросила. Там, в пещере.

Она открыла глаза, посмотрела на него. В её взгляде не было благодарности — только усталость. Но в этой усталости было что-то тёплое, почти живое.

— Ты бы не бросил меня, — сказала она. — Я не бросила тебя. Мы квиты.

Она усмехнулась — на этот раз почти без горечи. В уголках её губ что-то дрогнуло — не улыбка, но намёк на неё. Эйнар смотрел на неё и думал: «Мы похожи. Оба изгои. Оба проклятые. Оба не умеем просить помощи и не показываем слабость. Может, поэтому мы встретились. Может, поэтому мы идём вместе. Может, это — не случайность, а судьба».

Он не верил в судьбу. Но сейчас ему хотелось в неё верить.

Часть четвёртая: Крик в пустоте

XII

Ночью ему приснился Наблюдатель.

Лицо без лица. Гладкое, бледное, как яйцо, как лунный диск, как поверхность мёртвого озера. Оно висело в темноте, не привязанное ни к чему — ни к телу, ни к стене, ни к небу. Просто висело и смотрело. И в этом взгляде — не было ни злобы, ни жестокости, ни даже любопытства. Только внимание. Абсолютное, всепоглощающее внимание, от которого нельзя спрятаться, нельзя отвернуться, нельзя закрыть глаза.

Вокруг — пустота. Не та, которая бывает в лесу ночью, когда деревья скрывают горизонт, а звёзды кажутся далёкими и холодными. Другая. Абсолютная. Пустота, в которой нет ни звуков, ни запахов, ни даже времени. Только он и Наблюдатель.

— Что ты хочешь? — спросил Эйнар. Во сне он говорил легко, без хрипа, без боли. Голос был его — настоящий, тот, который был до настойки немоты, до видений, до всего, что случилось в этой проклятой пещере. Чистый, низкий, уверенный.

Наблюдатель не ответил. Только смотрел.

— Зачем ты показываешь мне смерти? — продолжал Эйнар. — Зачем заставляешь меня видеть то, чего я не хочу видеть? Зачем ты здесь?

Тишина. Такая плотная, что, казалось, её можно было резать ножом. Эйнар ждал. Секунды тянулись медленно, как смола, как кровь из раны, которую забыли перевязать.

А потом — голос. Не Наблюдателя — свой. Внутренний. Тот, который жил в нём всегда, но говорил только шёпотом, когда никто не слышал. Тот, который он заглушал работой, охотой, одиночеством, но который никогда не замолкал до конца.

«Ты сам себя спрашиваешь, — сказал голос. — Ты сам ищешь ответы. Ты сам смотришь в отражения. Я — не Наблюдатель. Я — ты. Твой дар. Твоя память. Твоя совесть. Ты боишься меня, потому что я показываю тебе то, что ты не хочешь видеть. Но я не враг. Я — часть тебя. Такая же, как руки, ноги, сердце. Ты не можешь от меня избавиться. Ты можешь только принять меня».

— Принять? — переспросил Эйнар. — Как можно принять то, что приносит только боль?

«Боль проходит. Память остаётся. Но память — это не только боль. Это и то, что ты спас Ирис. И то, что ты предупредил деревню о псах. И то, что ты не сдался, когда тебя изгнали. Ты помнишь это? Или только смерти?»

Эйнар молчал. Он пытался вспомнить — не смерти, не видения, не отражения. Что-то другое. Что-то, что делало его человеком, а не просто сосудом для дара.

«Ты помнишь, как мать улыбалась тебе? — спросил голос. — Как отец учил тебя стрелять? Как ты впервые убил оленя и чувствовал гордость, а не вину? Ты помнишь это?»

— Да, — сказал Эйнар. — Помню.

«Тогда почему ты боишься? Ты видел не только смерть. Ты видел жизнь. Ты просто забыл об этом. Или не хотел помнить».

Наблюдатель — лицо без лица — медленно растаял в темноте. Не исчез — растворился, как растворяется сахар в воде, оставляя после себя только сладость. Или горечь. Эйнар не понял.

Остался только голос. Внутренний. Свой.

«Твой голос вернётся, — сказал голос. — Не такой, как раньше. Но он будет твоим. И ты будешь говорить не только для того, чтобы предупреждать. Ты будешь говорить для того, чтобы жить».

Эйнар проснулся.

XIII

Было темно. Луна ещё не взошла, или уже зашла — он не знал. Небо было чёрным, беззвёздным, и только где-то далеко, на западе, тлел слабый, багровый отсвет — может, пожар, может, отражение чего-то, чего не было в реальности, может, просто игра усталого воображения.

Ирис спала рядом, свернувшись калачиком, положив голову на свой изодранный плащ. Её дыхание было ровным, глубоким — она отдыхала. Набиралась сил перед следующим переходом. Во сне она выглядела моложе — исчезли морщины, разгладились складки на лбу, губы расслабились, перестали быть сжатыми в тонкую, белую нитку. Она была почти красивой. Не той странной, болезненной красотой, которая бывает у людей, которые слишком много видели и слишком мало спали, а настоящей. Простой. Человеческой.

Эйнар сидел, глядя в темноту, и чувствовал, как дар внутри него пульсирует — ровно, спокойно, в такт сердцу. Не видение — предчувствие. Что-то должно было случиться. Сегодня. Или завтра. Он не знал что. Но знал: он готов.

Он открыл рот, чтобы сказать что-то — просто так, чтобы проверить голос, — и из горла вырвался звук. Низкий, чистый, почти без хрипа.

— Я здесь, — сказал он. Тихо, но чётко. — Я не исчез.

Слова повисли в воздухе, как дым, как пар, как память. Они не вернулись к нему эхом — стены оврага были мягкими, земляными, они гасили звук, превращали его в шёпот, в дыхание, в ничего. Ирис не проснулась. Только вздохнула во сне, повернулась на другой бок и затихла.

Эйнар сидел до рассвета, не смыкая глаз. Смотрел на восток, откуда должно было прийти солнце, и ждал. Ждал, когда небо начнёт светлеть. Ждал, когда проснётся Ирис. Ждал, когда они пойдут дальше — на восток, в Ничейные земли, туда, где не было людей, не было домов, не было даже дорог. Только снег, только ветер, только смерть.

И, может быть, ответы.

XIV

Рассвет пришёл серым и унылым, как и все рассветы в этом году. Небо на востоке светлело медленно, нехотя, будто ему было лень вставать. Облака висели низко, почти над самой землёй, и снег казался не белым, а серым — цвета старой, вылинявшей ткани, которую много раз стирали в ледяной воде и сушили на ветру, пока она не превратилась в бесформенную тряпку.

Ирис проснулась первой, открыла глаза, посмотрела на него.

— Ты не спал? — спросила она.

— Нет, — ответил он. Голос был хриплым, но членораздельным. — Не спал.

Она села, разминая затёкшие плечи. Посмотрела на него долго, изучающе.

— Ты говоришь, — сказала она. — Почти без хрипа.

— Почти, — согласился он. — Ещё больно. Но говорить можно.

— Что ты чувствуешь?

— Усталость. И... облегчение. Как будто я нёс мешок с камнями десять лет, а теперь снял его и могу выпрямиться.

Она кивнула, достала из кармана флягу — последнюю, с остатками воды, — сделала глоток, протянула ему.

— Пей, — сказала она. — Сегодня нам идти дальше. Нужны силы.

Он взял флягу, сделал глоток. Вода была холодной, с привкусом железа — того самого, который появляется, когда долго держишь её в железной фляге. Но она была живой. Не как прах. Не как пустота.

— Серая Стрела, — сказал он, возвращая флягу. — Он близко?

— Не знаю, — ответила она. — Я не чувствую его. Может, ушёл. Может, затаился.

— Он не уйдёт, — сказал Эйнар. — Он будет ждать. На открытом месте. Когда мы выйдем из скал.

— Знаю, — ответила она. — Но другого пути нет.

Она поднялась, опираясь на посох. Нога болела — она поморщилась, но не застонала. Протянула ему руку.

— Идём.

Он взял её за руку, поднялся. Отцовы сапоги держали тепло. Лук был на плече. Стрелы — в колчане. Нож — на поясе.

— Идём, — сказал он.

XV

Они вышли из оврага, когда солнце (бледное, почти белое пятно за пеленой облаков) поднялось на высоту двух копий. Скалы остались позади — впереди была равнина. Серой, пустой, без единого деревца, без единого куста, без единого камня, за которым можно было бы спрятаться. Только трава — жёсткая, колючая, по колено, — которая шелестела под ногами, как старая, высохшая бумага. И ветер. Ветер дул с востока, принося запах сухой земли и чего-то ещё — влаги, жизни, надежды.

Эйнар остановился на краю равнины, посмотрел на восток. Горизонт был ровным, как струна, — ни холмов, ни деревьев, ни даже облаков. Только серая, выжженная земля и такое же серое, пустое небо.

— Ничего, — сказала Ирис.

— Там что-то есть, — ответил он. — Я чувствую.

— Дар?

— Не знаю. Может, просто надеждой.

Она посмотрела на него долго, изучающе. Потом кивнула.

— Тогда идём туда.

Они сделали первый шаг по равнине. Трава хрустела под сапогами — сухо, ломко, как старая, высохшая кость. Эйнар смотрел под ноги, чтобы не споткнуться, и чувствовал, как дар внутри него затихает — не успокаивается, а замирает, прислушивается, как зверь, который чует добычу, но не решается вылезти из норы.

И в этот момент ветер донёс звук.

Далёкий, едва слышный, но неоспоримый. Крик. Не человеческий — звериный. Или не звериный. Что-то среднее, чего он никогда не слышал раньше. Крик боли, страха, отчаяния. Крик существа, которое умирает.

Ирис замерла, прислушалась.

— Это не Серая Стрела, — сказала она. — Это что-то другое.

— Что?

— Не знаю. Но оно там. На востоке. Живое. Или умирающее.

Эйнар сжал лук сильнее. Дар внутри пульсировал — не видение, предчувствие. Что-то начиналось. Что-то, что было больше, чем погоня. Больше, чем Распад. Больше, чем они сами.

— Идём, — сказал он.

Они пошли на восток, на крик.

КОНЕЦ ГЛАВЫ 18

ГЛАВА 19. КАРТА ПУСТОТЫ

Часть первая: Тишина после крика

I

Он проснулся от того, что крик не повторился.

Эйнар лежал на спине, глядя в серое, пустое небо, и слушал. Тишина была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом — тем самым, обсидиановым, чёрным, который лежал у него на поясе, в ножнах из берёсты. Но эта тишина была не той, к которой он привык за десять лет одиночества. Не той, пустой и давящей, которая заставляет говорить со стенами, чтобы не сойти с ума. Другая. Живая. Тишина, в которой кто-то присутствовал, но не говорил.

Вчерашний крик — тот самый, далёкий, звериный, нечеловеческий, — не повторялся. Он оборвался внезапно, как обрывается струна на старых гусях, когда пальцы музыканта застывают в последнем аккорде. И после этого обрыва осталось только эхо — тонкое, высокое, почти неслышное, которое вибрировало в воздухе, в камнях, в его собственных костях. Эйнар чувствовал эту вибрацию зубами, затылком, самой глубиной, где жил его дар.

Дар молчал. Не пульсировал, не требовал отражений, не показывал картинок. Он просто был — как второе сердце, которое замерло в ожидании, не решаясь сделать следующий удар.

Ирис сидела в трёх шагах от него, на корточках, низко склонившись над землёй. Её изодранный, тёмно-синий плащ с серебряной нитью свисал с плеч, как сброшенная змеиная кожа, и ветер шевелил его края, поднимая мелкую, серую пыль. Она не смотрела на него. Она смотрела на землю. И в этом взгляде было что-то, чего Эйнар не видел раньше: не страх, не любопытство, а глубокая, почти болезненная сосредоточенность человека, который ищет след там, где следов быть не может.

Он сел, опираясь на здоровую руку. Левая рука, перевязанная, опухшая, всё ещё болела, но боль стала тупой, привычной — такой, с которой можно жить, если не обращать внимания. Он пошевелил пальцами — отозвалось ноющей пульсацией, но пальцы гнулись. Хорошо. Значит, рука не отсохнет. Значит, он сможет стрелять, если понадобится.

— Ты не спал? — спросил он. Голос его был хриплым, низким, почти чужим — таким, каким он стал после настойки немоты, после видений, после всего, что случилось в зеркальной пещере. Но он был. Он мог говорить. Это было главным.

Ирис не ответила. Только подняла голову и посмотрела на него — мельком, на секунду, и снова опустила глаза к земле. Её лицо было бледным, почти прозрачным в этом сером, утрен-

нем свете. Под глазами залегли глубокие тени — следы бессонных ночей, бесконечных переходов, бесконечной боли. Губы потрескались, в уголках запеклась кровь. На левой щеке всё ещё виднелась тонкая, серебристая полоска — след от ножа, который почти затянулся, но оставил после себя странный, светящийся шрам.

— Здесь что-то прошло, — сказала она наконец. Голос её был ровным, почти безразличным, но в нём слышались новые нотки — не страх, не усталость, а что-то другое, похожее на недоумение. — Ночью. Пока ты спал.

Эйнар поднялся, отряхнул колени. Снега здесь не было — только серая, жёсткая трава, которая хрустела под сапогами, как старая, высохшая бумага, да мелкие камни, покрытые слоем маслянистой пыли. Он подошёл к Ирис, остановился рядом, посмотрел вниз.

След был странным. Не как у зверя — не когти, не лапы. И не как у человека — не сапоги, не босые ступни. Что-то среднее. Длинная, широкая борозда, будто кто-то тащил по земле тяжёлое, волокущееся тело, оставляя за собой ровную, приглаженную полосу. И по краям этой борозды — мелкие, частые вмятины, похожие на отпечатки пальцев, только пальцы были слишком длинными, слишком тонкими, слишком нечеловеческими.

— Что это? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Ирис. Она выпрямилась, опираясь на посох. Её левая нога, та, что попала в капкан, болела — она поморщилась, но не застонала. — Ночью я проснулась от того, что земля дрожала. Не сильно — едва заметно, как будто кто-то очень тяжёлый шёл где-то далеко. А потом увидела это.

Она кивнула на след, и в её глазах мелькнуло то холодное, насторожённое выражение, которое Эйнар уже начинал узнавать. Выражение хищника, который чувствует запах крови, но не знает, чья она — чужая или его собственная.

— Оно прошло в двадцати шагах от нас, — продолжала она. — Не заметило. Или не захотело замечать. Или ему было всё равно.

— Оно? — переспросил Эйнар. — Ты знаешь, что это?

— Нет. Но это не зверь. И не человек. И не тварь из Распада, которых я видела раньше. Что-то другое. Старое. Очень старое. И очень... пустое.

Она замолчала, глядя на след. Эйнар смотрел туда же, и внутри, под рёбрами, дар шевельнулся — не проснулся, но потянулся, как сытый зверь, который не хочет охотиться, но не может отказаться от запаха крови. В затылке зануло, в висках запульсировало. И запах — тот самый, сладковато-металлический, который появлялся перед видением, — зашекотал ноздри.

Но видение не пришло. Только пустота. Только тишина. Только этот странный след, уходящий на восток, туда, где горизонт был ровным, как струна, — ни холмов, ни деревьев, ни даже облаков. Только серая, выжженная земля и такое же серое, пустое небо.

— Дар боится этого места, — сказала Ирис, когда они вернулись в своё убежище — небольшое углубление между двумя каменными глыбами, где можно было сидеть, не высовываясь. — Или уважает. Или просто ничего не может здесь показать, потому что здесь нет будущего, которое можно увидеть.

Она сидела, прислонившись спиной к холодному, шершавому камню, и растирала левую ногу ниже колена — там, где рана всё ещё болела, несмотря на быстрое исцеление. Её пальцы были тонкими, бледными, с обломанными ногтями, и на каждом суставе чернели мелкие трещинки — следы холода, усталости, отчаяния.

Эйнар сидел напротив, положив лук на колени, и смотрел на неё. Он думал о том, что этот день — пятый или шестой с тех пор, как они встретились, — был самым странным в его жизни. Не самым страшным, не самым болезненным — самым странным. Потому что он не знал, что будет дальше. Не видел. Дар молчал. И это молчание было страшнее любого видения.

— Раньше дар показывал мне смерть, — сказал он. — Всегда. Даже когда я не хотел. Даже когда закрывал глаза. Даже когда завешивал все зеркала тряпками. А здесь — тишина. Как будто смерти нет. Или она уже случилась, и показывать нечего.

Ирис подняла голову, посмотрела на него. В её тёмных, глубоко запавших глазах отражалось серое небо — пустое, бесконечное, равнодушное.

— Может, здесь будущее неотличимо от прошлого, — сказала она. — Или прошлого не осталось. Или осталось так много, что дар не знает, за что хвататься. В Ордене говорили: чем ближе к центру Распада, тем слабее связь между причиной и следствием. Сначала исчезают отражения. Потом — время перестаёт быть линейным. А потом... — она запнулась, подбирая слово, — ...потом исчезает сама возможность выбора. Всё, что могло случиться, уже случилось. Или не случилось никогда.

Она произнесла это спокойно, как о погоде. Без страха, без надежды. Просто констатировала факт. Эйнар знал, что она права. Но внутри, под рёбрами, что-то сопротивлялось — не дар, та часть его, которая десять лет назад вытащила тонущего мальчика из проруби, та часть, которая предупреждала деревню о псах, та часть, которая спасла Ирис. Часть, которая отказывалась верить, что выбор исчез.

— Тогда мы сами создадим будущее, — сказал он. — Или сами выберем, каким ему быть. Дар не нужен. У нас есть ноги, чтобы идти. И руки, чтобы держать оружие. И глаза, чтобы видеть дорогу.

Ирис усмехнулась — криво, одними губами, без улыбки. Но в уголках её губ что-то дрогнуло. Не улыбка. Тень улыбки. Или намёк на неё.

— Ты говоришь, как мой учитель в Ордене, — сказала она. — Он тоже говорил: «Воля сильнее дара. Выбирай — и иди». Он умер через месяц. Его убили те, кто не хотел выбирать. Или не мог.

— Я не умру, — сказал Эйнар. — И ты не умрёшь. Мы пройдем.

Она не ответила. Только кивнула и закрыла глаза.

III

Через час, когда небо на востоке начало светлеть бледной, болезненной желтизной, они вышли из убежища. Эйнар шёл первым, Ирис — за ним, опираясь на посох. Они не разговаривали — берегли силы. Только дыхание — хриплое, частое, с присвистом, — нарушало тишину.

Эйнар думал о том, что вчерашний крик, тот самый, далёкий, звериный, нечеловеческий, был не просто криком. Это был сигнал. Предупреждение. Или приглашение. Он не знал. Но чувствовал: что-то изменилось. Не в мире — в нём. Дар молчал, и в этом молчании он слышал себя. Свои мысли. Свои страхи. Свои надежды. Те, которые он прятал за стенами хижины, за завешенными тряпками зеркалами, за десятилетиями одиночества.

Он вспомнил, как мать учила его слушать тишину.

«Тишина не пуста, — говорила она. — Тишина полна звуков, которые ты не слышишь, потому что привык к ним. Дыхание леса. Шёпот травы. Память камней. Если научишься слушать — услышишь всё. И тогда не надо будет смотреть в отражения».

Тогда он не понимал. Думал, что мать говорит о чем-то далёком, неважном, о том, что не имеет отношения к его проклятию. Теперь он знал: она говорила о том же, о чём он думал сейчас. О тишине, в которой нет смерти. О тишине, в которой есть только жизнь. Та самая тишина, которую он искал десять лет, но не мог найти, потому что боялся.

— Ты слышишь? — спросила Ирис, когда они остановились передохнуть у подножия невысокого холма.

— Что? — спросил он, прислушиваясь.

— Тишину. Она изменилась. Стала... тяжелее. Как перед грозой, только грозы не будет.

Он прислушался. Действительно — тишина была не такой, как утром. Плотнее. Вязче. Как будто кто-то натянул невидимую струну между землёй и небом и теперь ждал, когда она лопнет.

— Мы близко, — сказал он. — К чему-то. Не знаю к чему.

— К границе, — ответила Ирис. — Между прахом и тем, что за ним. В Ордене говорили: когдаходишь к Ничейным землям, время замедляется. А потом останавливается. И ты чувствуешь это костями. Я чувствую.

Она замолчала. Эйнар смотрел на восток, туда, где горизонт был ровным, как струна, и чувствовал то же самое. Кости ныли. Не от холода — от присутствия. Чего-то огромного, невидимого, древнего, что лежало там, за холмами, и ждало.

— Идём, — сказал он. — Не будем ждать.

Они пошли дальше.

Часть вторая: Выход к границе

IV

Они шли до тех пор, пока трава под ногами не исчезла.

Сначала она стала реже, жёстче, ниже. Потом — превратилась в редкие, чахлые пучки, торчащие из земли, как седые волосы из старческой головы. Потом исчезла вовсе. Осталась только земля — серая, ровная, покрытая тонким слоем маслянистой пыли, которая не искрилась, не блестела, не отражала даже слабый, утренний свет.

Эйнар остановился, опустил на корточки, провёл пальцем по земле. Пыль была холодной — не просто холодной, а абсолютно холодной, как будто никогда не касалась солнца. И гладкой — слишком гладкой для земли. Пальцы скользили, не встречая сопротивления. Пыль не осыпалась, не прилипала к коже — просто лежала, ровная и неподвижная, как застывшая вода.

— Прах, — сказал он. — Как там, у русла мёртвой реки.

— Но другой, — ответила Ирис, опускаясь рядом. — Там прах был мёртвым. А этот... спит. Или ждёт.

Она провела рукой по земле — и отёрнула пальцы, как от ожога. На её ладони остался серый, маслянистый след, который не стирался, даже когда она потёрла пальцы о плащ.

— Он живой, — сказала она тихо, почти шёпотом. — Я чувствую. Под ним — что-то. Дышит. Или помнит. Или просто есть.

Эйнар смотрел на свои руки. Правую — здоровую, левую — перевязанную. Пальцы левой руки всё ещё болели, но уже не так сильно — мазь Ирис и его травы сделали своё дело. Он пошевелил ими — отозвалось тупой, ноющей пульсацией, но пальцы гнулись. Хорошо.

Он поднял голову и посмотрел вперёд. Горизонт был ровным, как струна, — ни холмов, ни деревьев, ни даже облаков. Только серая, выжженная земля и такое же серое, пустое небо. И среди этой пустоты — осколки. Мелкие, острые, разбросанные по земле, как зубы вымершего зверя, как осколки разбитого зеркала.

— Что это? — спросил он, показывая на ближайший осколок.

Ирис подошла ближе, нагнулась, рассмотрела. Осколок был маленьким — с ноготь большого пальца, не больше. Прозрачным, с радужными переливами на гранях, как старый, потускневший хрусталь. Внутри, в глубине, что-то мерцало — не свет, не тень, а память. Образы, которые мелькали и исчезали, не успевая сложиться в картинку.

— Стекло, — сказала она. — Не простое. Зеркальное. Очень древнее.

Она протянула руку, чтобы взять осколок, но Эйнар схватил её за запястье.

— Не трогай, — сказал он. — Это опасно.

— Чем?

— Не знаю. Но дар... он чувствует это. Как будто смотрит на меня изнутри. Не хочет, чтобы я приближался.

Она убрала руку, отступила на шаг. Осколок лежал на земле, мерцая в сером свете, и в его глубине, в самой глубине, Эйнару показалось, что он увидел лицо. Не своё — чужое. Гладкое, бледное, без черт. Наблюдатель.

Он отвернулся, сжал кулаки. Дар внутри пульсировал — не видение, предчувствие. Тяжёлое, липкое, как смола.

— Нам нужно идти, — сказал он. — Отсюда. Быстро.

Они пошли дальше, обходя осколки стороной, стараясь не смотреть на них. Но осколков становилось всё больше — сначала редкие, разбросанные, потом густые, как щебень на старой дороге, потом — сплошное поле битого стекла, которое хрустело под ногами, даже когда они ступали осторожно, почти не касаясь земли.

V

— Чешуя дракона, — сказала Ирис, когда они остановились передохнуть на небольшом, ровном участке, где осколков было меньше. — Так в Ордене называли такие места.

Она сидела на камне, вытянув ноги, и растирала левую ступню — там, где сквозь портянки проступила кровь. Острый осколок, который она не заметила, прорезал подошву, и теперь рана саднила, напоминая о себе при каждом шаге.

— Чешуя дракона? — переспросил Эйнар, присаживаясь рядом.

— Легенда, — ответила она. — Говорят, в начале времён было огромное зеркало. Не такое, как сейчас — маленькие, мутные, которые показывают только лица и стены. Другое. Первозеркало. В нём отражался весь мир. Каждое дерево, каждая гора, каждый человек. А потом первозеркало разбилось. Не само — его разбили. И осколки разлетелись по всему миру, и каждый осколок хранит память о том, что отражал. Или о том, что никогда не отражал.

— Кто разбил? — спросил он.

— Не знаю. Боги. Люди. Время. Или само зеркало не выдержало тяжести отражений и треснуло. В Ордене говорили по-разному. Но все сходились в одном: осколки опасны. Они показывают не то, что есть, а то, что могло бы быть. Или то, чего никогда не было. Или то, что было, но забылось.

Она помолчала, глядя на осколки, которые сверкали на солнце — бледном, почти белом пятне за пеленой облаков, — как тысячи маленьких, злых глаз.

— Мой учитель говорил: «Никогда не смотри в осколки первозеркала. Они украдут твоё отражение. А без отражения ты станешь никем. Тенью. Памятью о себе». Он умер через месяц. Его нашли в комнате, полной осколков. Он смотрел в них и не мог отвести взгляд. Глаза у него были открыты, но не видели. Или видели слишком много.

Эйнар смотрел на осколки и чувствовал, как дар внутри него затихает — не успокаивается, а замирает, прислушивается, как зверь, который чует добычу, но не решается вылезти из норы. Он не смотрел в осколки. Он смотрел мимо — на землю, на небо, на Ирис. Но краем глаза, краем сознания, он всё равно видел их мерцание. И в этом мерцании, в этом далёком, холодном свете, ему чудились образы. Лица. Тени. Смерти, которые не случились. Жизни, которые не начались.

— Нам нужно пройти через это поле, — сказал он. — Другого пути нет.

Ирис поднялась, опираясь на посох. Нога болела — она поморщилась, но не застонала.

— Тогда идём. Но не смотри вниз. Смотри только на меня. Или на небо. Или куда угодно, только не на осколки.

Она протянула ему руку — не за рукав, за пальцы, холодные, дрожащие. Он сжал их, и они пошли.

VI

Он шёл с закрытыми глазами.

Это было странное, почти невыносимое ощущение — идти, не видя дороги, доверяя только её голосу, её пальцам, которые сжимали его руку и вели вперёд, между осколками, которые хрустели под ногами, как битое стекло, как старые, рассыпающиеся кости. Эйнар не открывал глаз. Боялся. Не того, что увидит свою смерть — к этому он привык. Боялся, что увидит её смерть. Или то, что будет после. Или то, чего никогда не было, но могло бы быть, если бы он выбрал другой путь.

— Левей, — говорила Ирис. — На шаг. Хорошо. Теперь прямо. Не останавливайся.

Она вела его, и в её голосе слышалось напряжение — не страх, не усталость, а то холодное, спокойное внимание, которое бывает у хищника, когда он ведёт слепого детёныша через опасное место. Она не ошибалась. Она не могла ошибиться. Потому что если она ошибётся — они оба умрут.

— Что ты видишь? — спросил он, когда они остановились передохнуть.

— Осколки, — ответила она. — Много осколков. Они везде. На земле, в воздухе, даже в небе. Как будто кто-то разбил гигантское зеркало и не стал убирать осколки. Они висят в пустоте и ждут.

— Чего?

— Не знаю. Может, того, кто посмотрит в них. Или того, кто забудет закрыть глаза.

Она помолчала, потом добавила тише:

— В одном осколке я видела тебя. Не таким, как сейчас. Старым. Седой волосы, сгорбленная спина, лицо в морщинах. Ты стоял на поляне, и вокруг тебя кружили вороны. Ты не боялся. Ты улыбался.

Эйнар открыл глаза. Осколки вокруг сверкали — тысячи, десятки тысяч маленьких, злых глаз, которые смотрели на него со всех сторон, отражали его лицо, его страх, его надежду. Он не смотрел в них. Он смотрел на Ирис.

— Это был я? — спросил он.

— Не знаю, — ответила она. — Может, да. Может, нет. Осколки показывают не будущее. Они показывают возможности. То, что могло бы случиться, если бы ты выбрал другой путь. Или если бы кто-то другой выбрал за тебя.

Она замолчала, потом взяла его за руку и повела дальше.

Часть третья: Карта

VII

Поле осколков кончилось внезапно, как обрывается сон, когда кто-то трясёт тебя за плечо и говорит: «Проснись. Всё кончилось».

Эйнар открыл глаза. Земля вокруг была чистой — ни пыли, ни праха, ни осколков. Только серая, жёсткая трава, которая шелестела на ветру, как старая, высохшая бумага. И небо — такое же серое, низкое, тяжёлое, но теперь в нём, в этой серой пелене, виднелись просветы. Бледные, почти белые, похожие на глаза слепого, который смотрит на солнце и не может его увидеть.

Он стоял, тяжело дыша, и сжимал в руке лук. Лук был на месте. Стрелы — в колчане. Нож — на поясе. Ирис стояла рядом, опираясь на посох, и смотрела на восток, туда, где горизонт был не ровным, как раньше, а неровным, с холмами, с редкими деревьями, с тёмными пятнами — может, скалами, может, просто тенями от облаков.

— Мы прошли, — сказала она. — Через осколки. Через прах. Через пустоту. Мы прошли.

— Не до конца, — ответил Эйнар. — Впереди ещё Ничейные земли.

— Но здесь, по крайней мере, можно смотреть вниз. И не бояться, что увидишь своё отражение.

Она улыбнулась — на этот раз почти без горечи. В уголках её губ что-то дрогнуло. Не улыбка, но намёк на неё. Эйнар смотрел на неё и думал: «Мы похожи. Оба изгои. Оба прокля-

тые. Оба не умеем просить помощи и не показываем слабость. Может, поэтому мы встретились. Может, поэтому мы идём вместе. Может, это — не случайность, а судьба».

Он не верил в судьбу. Он верил в причины и следствия, в следы на снегу и в видения в отражениях. Но сейчас, глядя на эту девушку, на её бледное, измождённое лицо, на её руки, сжимающие посох, на её короткую, почти невидимую тень, он почувствовал, что в мире есть что-то большее, чем просто причинно-следственные связи. Что-то, что нельзя объяснить ни даром, ни проклятием, ни настойкой немоты.

Что-то, чему ещё не было имени.

VIII

Она нашла останки, когда они остановились передохнуть у подножия невысокого холма.

— Иди сюда, — сказала Ирис, и в её голосе появились новые нотки — не страх, не удивление, а что-то другое, похожее на благоговение. — Здесь что-то есть.

Эйнар подошёл. Между двумя камнями, в небольшом углублении, где ветер не так сильно развеивал пыль, лежал скелет. Не свежий — очень старый, судя по цвету костей, по тому, как они рассыпались в прах при малейшем прикосновении. Но одежда на скелете сохранилась — не полностью, ключьями, но можно было разобрать, что когда-то это был дорогой плащ, тёмно-синий, с серебряной нитью. Такой же, как у Ирис.

— Орден, — сказала она, опускаясь на корточки. — Это одежда Ордена. Только старый. Очень старый. Лет пятьдесят, может, больше.

Она протянула руку к плащу, но Эйнар схватил её за запястье.

— Осторожно, — сказал он. — В таких местах даже мёртвые опасны.

— Он не опасен, — ответила она, отводя его руку. — Он мёртв. И давно. Очень давно.

Она коснулась плаща — ткань рассыпалась в прах, обнажая то, что было под ним. Не кости — свёрток. Промасленная кожа, почти не тронутая тлением, перетянутая сыромятным ремешком. На коже — печать. Та самая, которую Эйнар видел на фляге Ирис. Знак Ордена. Переплетение линий, кругов, острых углов.

— Что это? — спросил он.

Ирис взяла свёрток, повертела в руках. Кожа была жёсткой, потрескавшейся, но не рассыпалась. Ремешок поддался не сразу — пришлось разрезать его ножом. Внутри оказалась карта.

Не такая, как те, что Эйнар видел в детстве у купцов, которые приходили в Терновую Гриву раз в год, меняя товары на шкуры и меха. Не пергамент, не береста — тонкая, гибкая пластина из неизвестного материала, тёмно-серая, с едва заметными, светящимися линиями. Линии пульсировали — слабо, едва заметно, как пульсирует кровь в венах, как пульсирует дар под рёбрами.

— Это карта Оскультума, — сказала Ирис, и в её голосе появилось то особенное, почти-тельное напряжение, которое бывает у людей, когда они держат в руках что-то очень древнее и очень важное. — Не обычная. Другая. Таких не делают уже много лет. Их умели создавать только мастера Старого Ордена, до Распада.

Она развернула карту — пластина оказалась гибкой, как ткань, и в развёрнутом виде занимала обе её ладони. Линии светились — реки, горы, города, дороги. И всё это — на фоне серой, пустой поверхности, которая не была ни землёй, ни небом. Она была отсутствием. Пустотой, в которой утопали очертания мира.

— Что это за пятна? — спросил Эйнар, показывая на тёмные, почти чёрные области, которые расползались от центра карты к краям, как масляные пятна на воде.

Ирис посмотрела туда, куда он указывал, и лицо её стало жёстким, глаза сузились, губы сжались в тонкую нитку.

— Распад, — сказала она. — То, что убивает землю. То, от чего мы бежим. То, что послали меня остановить. Или умереть.

Она провела пальцем по краю одного из пятен, и линия под её пальцем замерцала ярче, показывая дату. Цифры — не те, к которым привык Эйнар, а другие, древние, но он понял. Пять лет. Всего пять лет назад на месте этого пятна была цветущая долина. А теперь — прах. Пустота. Смерть.

— Пять лет, — повторил он. — Всего пять лет.

— Распад ускоряется, — сказала Ирис. — Раньше он полз медленно. Годы, десятилетия. А теперь — месяцы. Скоро — дни. И тогда...

Она не договорила. Не нужно было.

IX

— Посмотри сюда, — сказала она, показывая на центр карты. — Сюда. В самую середину.

Эйнар посмотрел. В центре карты, там, где линии сходились, как спицы колеса, было пятно. Не тёмное — белое. Абсолютно белое. Без теней, без оттенков, без границ. Белое, как снег, как облака, как лицо мертвеца. И в этом белом пятне — точка. Чёрная, как уголь, как смола, как пустота, которую он видел в колодце мёртвой деревни.

— Нулевая точка, — сказала Ирис. — Место, откуда всё началось. Где Распад — не пятно, а дыра. Дыра в мире. Дыра в отражениях. Дыра, в которую проваливается всё. Даже свет.

— Ты должна была туда пойти, — сказал Эйнар. — Одна.

— Да. Орден послал меня. Сказали: «Иди. Найди. Умри или вернись с ответом». Я выбрала идти. Не потому, что хотела умереть. Потому что хотела знать. Что там. На краю. За краем. В пустоте, где нет отражений.

Она замолчала, глядя на карту. Линии пульсировали — ровно, спокойно, в такт её дыханию.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Страх, — ответила она. — Не перед смертью. Перед тем, что я ничего не найду. Или найду, но не пойму. Или пойму, но не смогу объяснить. Или объясню, но меня не услышат.

Она подняла голову, посмотрела на него. В её глазах — тёмных, глубоких, с красными прожилками на белках, — он увидел то, чего не видел раньше. Не страх, не надежду. Усталость. Бесконечную, глухую, беспросветную усталость от того, что её послали умирать, а она не умерла, и теперь не знает, что с этим делать.

— Мы пойдём вместе, — сказал он. — Не одна.

Она посмотрела на него долго, изучающе. Потом кивнула.

— Хорошо.

Х

Они сидели над картой до темноты, пока светящиеся линии не начали меркнуть, а тени — становиться длиннее, неправильными, как везде в этих местах, слишком короткими для такого низкого света. Эйнар изучал пятна Распада, обводил их пальцем, запоминал очертания, направления, границы. Ирис прокладывала маршрут — в обход зон с минимальной плотностью отражения, там, где дар мог не проснуться и не убить его своим видением.

— Здесь, — сказала она, показывая на узкий, извилистый коридор между двумя большими тёмными пятнами. — Если пройти здесь, то шансов, что твой дар проснётся, меньше. Но идти будет тяжело. Земля там мёртвая. Не просто серая — мёртвая. Она не держит следы. Не помнит шагов. Ты можешь пройти — и через минуту не останется никакой памяти о том, что ты здесь был.

— Как в пещере, — сказал Эйнар. — Где стена отражала не свет — мысли.

— Да. Только там отражения были живыми. А здесь — мёртвыми. Или их нет вовсе.

Она провела пальцем по краю карты, там, где линии обрывались, не доходя до края, и начиналась пустота — серая, ровная, без единой отметки.

— Что там? — спросил он.

— Ничейные земли, — ответила она. — Место, где не было картографов. Или были, но не вернулись. Или вернулись, но не захотели рассказывать. Или рассказывали, но их не слушали.

Она помолчала, потом добавила тише:

— Туда мы идём.

XI

Ночью, когда Ирис уснула, свернувшись калачиком у камня, прижав карту к груди, Эйнар сидел у входа в их убежище — небольшое углубление между двумя каменными глыбами, где можно было спрятаться от ветра, — и смотрел на звёзды. Звёзды были редкими, бледными, похожими на далёкие, умирающие огоньки. Они не грели, не освещали — только смотрели сверху вниз, как тысячи вороных глаз, как тысячи осколков первозеркала, разбросанных по небу.

Он достал из мешка маленький осколок — тот самый, который подобрал, когда они проходили через поле битого стекла. Не посмотрел в него — спрятал за пазуху, поближе к сердцу. Теперь, в темноте, осколок слабо светился — холодным, голубоватым светом, похожим на лунный, но без луны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.